

**Детектив Фантастика**

**Юрген Байконур**

**АРХИВ**

**III**

**Живец на живца  
Пересечения**

# Архив Смагина

## Часть 3

### Пересечения, Живец на живца

#### 1

#### Пересечения

Общаясь с Иваном Смагиным длительное время, я научился терпеть и ждать. Однако на этот раз пауза безвестности и молчания неприлично затянулась. Я привык к его длительным и неожиданным исчезновениям и не считал себя вправе назойливо напоминать ему о своём существовании и уж, тем более, вынуждать к общению. Мы — люди взрослые, и каждый строит свои отношения с окружающим нас многосложным миром по своему разумению. Это разумение может иногда входить в противоречие с разумением наших близких, но никто не знает, где границы этого противоречия. Каждый устанавливает их сам и сам же определяет, где есть лёгкий недочёт, где заметная неуклюжесть и где явный перебор. В наших с Иваном отношениях эти границы были подобны горизонту.

Иван позвонил мне, как всегда, неожиданно. Предложил прокатиться по городу и полюбоваться «офисно-торговыми пейзажами». Я согласился. Поговорить он не предлагал, посему никаких формальных претензий к его молчаливому пребыванию за рулём я предъявить не мог. Признаюсь, я очень надеялся на откровенную беседу и предположил: прогулка — это повод. Но человек предполагает... Тот факт, что надежда моя оказалась тщетной, злил и провоцировал на настойчивость.

Иван припарковался рядом с открытым кафе — несколько столиков под зонтиками. Он молчал, я мужественно боролся с самим собой, мелкий дождик капал на стекло, посетители заведения с тревогой посматривали на небо, прохожие спешили по своим делам. Иван задумчиво смотрел в сторону цветастых зонтиков, я пытался понять его странное поведение и пришёл к выводу, что с этим местом, уж, не знаю, прямо или косвенно, связана причина длительного отсутствия и не менее длительного молчания моего приятеля.

— Ты прав, — сказал Иван, — вот здесь всё началось. — И замолчал. Включил дворники, хотя, на мой взгляд, в этом ещё не было необходимости, вздохнул и внёс некоторую ясность: — Для меня — началось. А что касается приключения моего — врагу такого не пожелаешь! — то оно началось чуть раньше и не здесь.

— Опять генерал? — спросил я.

— Главным образом — моё легкомыслие и отвратительный характер. Но и Анатолий Корнеев — тоже.

— По поводу ваших душевных качеств, мой друг, у меня иллюзий давно нет — нет такой пакостной истории, куда бы вы добровольно не влипли. Так что генерал — это логическое продолжение вашей неисправимой сущности.

Иван промолчал, я понял, ему тоже, как и большинству нормальных людей, иногда бывает стыдно, и перешёл в атаку:

— Вываливайте подробности, коллега. Архив Смагина похудел, и эта потеря нуждается в восполнении.

— Не возражаю. Продолжим у меня дома.

— Теперь уже можно? — спросил я не без явного сарказма.

Поясняю своё дерзкое поведение. За время исчезновения Ивана с моего жизненного небосклона я неоднократно и не совсем корректно набивался к нему в гости, но он под различными предлогами, а то и вовсе без таковых, отказывал мне — тупо отнекивался, бессовестно врал, «уходил нырками», в общем — явный моветон, что тут говорить. Несколько раз мы общались в телефонном режиме и мимоходом встречались. Но всё это проходило в таком нелепом формате, что и вспоминать неловко.

— Теперь можно, — тихо сказал Иван. — Теперь всё можно. Или почти всё.

— А кафешка зачем?

— Какая? — вздрогнул Иван.

— Вот эта, на которую ты уже несколько минут пялишься.

— Несколько минут? — удивлённо спросил Иван. Задумался, выключил ненужные дворники, пригляделся, как мне показалось, к посетителям и по своему обыкновению напустил тумана: — Всему своё время. Сначала ко мне. Затем архив, затем всё остальное, с ней связанное.

— С ним, — поправил я.

— С кем с ним? — удивлённо переспросил Иван.

— Если речь о кафе, то с ним! — пояснил я с чувством гордого превосходства.

— Если кафешка, то — с ней! — продемонстрировал непоколебимость характера мой друг Иван Смагин.

И я понял: всё возвращается на круги своя.

## Живец на живца

Москва. Кремль.

Во исполнение решения Совнаркома  
от 15 марта 1921 года организовать  
Управление режимных расследований (УРР).

Руководство отделом поручить  
тов. Смагину Андрею Викторовичу.

Архив Смагина.

УРР. Дело 25.6.32. «Живец на живца»

Майским вечером 1932 года в Батуме не на шутку разыгралась непогода. Резкий ветер поднял клубы пыли, погнал и закрутил мусор, застучал песчинками и мелким камушками по оконным стёклам. Зашумели собаки. Длилась вся эта катавасия недолго. Непогода стихла так же внезапно, как нарушила покой этого обычного дня. Вдали слабо прогремел гром, через несколько минут пошёл дождь.

К двери гостиницы подошёл мужчина средних лет, одетый в просторный светлый костюм, ворот пиджака поднят, но от назойливого мелкого дождя не спасал. Под козырьком чердачного окна дома напротив от небесной напасти спрятались голуби. Дождь отбивал свою монотонную мелодию на черепице. Её нарушило тихое утробное звериное урчание. Голуби взлетели.

Мужчина открыл дверь гостиницы. Позади него на дорогу упал и мягко шлёпнул по лужице какой-то небольшой предмет. Мужчина ничего не услышал, вошёл и, понятно, не увидел валявшуюся на мокрой дороге оторванную голубиную голову.

За обшарпанной сохранившейся со времён дальних стойкой сидел администратор. Возле стойки стоял в слегка промокшем костюме швейцар. Перед ним гармонично красовался высокий стакан с вином. Швейцар медленно и нехотя отодвинул его в сторону. Вошедший достал из кармана носовой платок, развернул, аккуратно вытер лицо, подошёл к стойке, устало улыбнулся. Администратор, красавец-грузин и по первому впечатлению весельчак и душа-человек, посмотрел на гостя с явным недовольством, даже опаской. Пауза затянулась, посетитель был готов сыграть на стойке сонату нетерпеливого ожидания, но передумал и начал разговор первым:

— Вечер добрый. Мне бы переночевать.

Администратор с сомнением посмотрел на швейцара. Тот отвёл глаза и стал внимательно разглядывать закрывающие окно шторы.

— Есть одна комната. Но она... не очень удобная, — ответил администратор.

— И что вас смущает? Мне только переночевать...

— Дело в том, что там, в этой комнате, постоялец сошёл с ума ... Недавно...

Мужчина участливо вздохнул, но был настойчив:

— Не каждый же день такое случается...

— Ну, всё же... Он среди ночи выскочил из комнаты, упал с лестницы, сломал руку... И ничего не смог рассказать, так и увезли...

Гость, встретивший такое странное сопротивление вполне понятным намерениям, повернулся, посмотрел на окно. По стеклу стекала дождевая вода.

— Надо же... — не скрывая снисходительного недоверия сказал он.  
— Не ночевать же мне на улице...

Администратор нерешительно встал, взял с полки ключи, пошёл через фойе к коридору. Мужчина последовал за ним. В полной тишине, слегка разбавляемой шумом дождя, они миновали коридор, подошли к довольно ветхой деревянной лестнице. Администратор ступил на скрипучие ступеньки, упрямый постоялец последовал за ним. Распорядитель желанного жилья вставил ключ в замочную скважину, повозился больше обычного, пару раз чертыхнулся и открыл дверь.

— Замок барахлит, дверь лучше не закрывать, — тихо сказал он и услужливо пропустил в комнату своего усталого спутника.

Мужчина с надеждой и радостью посмотрел на аккуратно застланную кровать и благодарно кивнул. Неразговорчивый администратор неплотно прикрыл дверь и осторожно пустился в обратный путь. Ступеньки скрипели, он что-то невнятное бормотал, задавал себе немые вопросы и тут же отвечал на них замысловатыми жестами.

Постоялец спокойно и без любопытства осмотрел комнату. Окон не было, номер хорошо освещался мощной элетролампой, висящей на длинном шнуре. Апартаменты, конечно, не заграничные, но переночевать можно — кровать, небольшой стол, тумбочка, шкафчик, что ещё надо командировочному?

Незнакомец уснул быстро, свет тушить не стал — странный разговор с вечерними хозяевами гостиницы всё же дал свои результаты. Объятия морфея оказались не столь гостеприимными, как он надеялся. Что именно его разбудило, он определить не смог. Открыл глаза, глянул на висящий

на стуле костюм, посмотрел вверх — лампа слепила. На сиденье стула лежали часы. Мужчина недовольно и с беспокойством посмотрел по сторонам, взял часы. Время 3.40.

Его взгляд скользнул по комнате и упёрся в потолок. В потолке бесшумно и медленно поползла в сторону крышка люка, который он ранее не заметил. Постоялец замер. Крышка полностью сдвинулась...

Администратор дремал за стойкой, швейцар пристроился в большом мягком кресле. Первый дремал, второй крепко спал. Их покой нарушил дикий крик и последовавший за ним грохот. Администратор вскочил и дурковато осмотрелся по сторонам, перекрестился. Шум не прекращался, отчаянный крик повторился. Пробудившийся и выскочивший из кресла швейцар прибавил администратору смелости. Они, не спеша и не без страха переглядываясь, двинулись по коридору в сторону уже известной нам деревянной лестницы. Постоялец лежал у её подножия, не шевелился. Администратор и швейцар настойчиво уступали один другому дорогу, однако к лежащему в трусах и майке гостю подошли одновременно. Он ничком лежал на полу, не двигался. Администратор попытался нащупать пульс, но история была не киношная, всё происходило наяву, посему наш герой, кроме набата в собственных висках и предательской дрожи в собственных пальцах ничего не ощутил: может, жив, может, нет.

На полу лежал писатель Константин Паустовский. В эту злосчастную гостиницу его привела творческая судьба — он приехал в Грузию собирать материал для известной ныне повести «Колхида».

### 3

#### Пересечения

Человеку сугубо штатскому трудно представить, что вокруг его положительной во всех отношениях персоны могут происходить тайные, сложные, нелицеприятные и, как ни парадоксально, управляемые вещи. Иван имел не известное мне военное прошлое, но было оно кратким и далеко не генеральским. Так что с известной уверенностью его вполне можно отнести к категории штатских граждан. Иван не был наивным, но даже он не предполагал, что «тайная война», с которой он лишь слегка соприкоснулся, шла так развёрнуто и масштабно.

И в личных беседах с глазу на глаз, и на совещаниях, проходивших в довольно широком составе, генерал Корнеев подчёркивал особый статус группы «Невмешательство», где оперативный упор был сделан на аналитическую работу. Именно этим фактором Иван объяснял себе вольность генерала в формировании штата «привлечённых» консультантов, к коим он и был отнесён.

Оказавшись в составе оперативной группы на загородном пустыре, возле заброшенного колодца с обрезанными и украденными кабелями,

Иван с печалью и злобой смотрел на два чёрных полиэтиленовых мешка с трупами и вспоминал начальствующие рассуждения об организационном оружии. Было сказано немало слов о косвенном воздействии на экономические, вытекающие из них политические процессы с целью придания им «нужной векторности». Но тематика жёсткого криминала, разложившихся человеческих останков, как составной части этой войны, была дипломатично опущена.

Справедливости ради следует сказать, что Иван как лицо привлечённое, своего рода вольный стрелок, мог и не участвовать в этой неприятной акции. Но тогда бы он потерял первичную информацию, а в работе это большой минус. А работать с минусом было не в его правилах. Стоявший рядом кадровый оперативник Степан Волошин, с которым он довольно быстро установил приятельские отношения, не совсем к месту, как посчитал Иван, подмигнул и не без заметной бравады, кивнув в сторону чёрных мешков, спросил:

— Не привык ещё?

— Нет. И не привыкну, — ответил Иван.

— Ничего, дело наживное... — неуклюже продолжил неудобную тему Степан.

Иван промолчал. Группа была подключена к расследованию дела о торговле людьми, где было несколько ответвлений, в том числе торговля человеческими органами. Ему было присвоено название «Генерация». Высокая цель — борьба за здоровье, свободу, часто жизнь человека должна была затмить сопутствующий дискомфорт. И затмевала. Но не всегда. Два новых трупа слегка подсветили звено цепочки, ведущей к вершине криминальной пирамиды, но это был только маленький и неуверенный шаг к раскрытию преступной организации. Иван это хорошо понимал и надеялся, что и Степан это понимает. Но, видно, годы, проведённые сыске, сказывались. Степан горячился:

— Это глотовские штучки... Пока экспертиза, пока крюкотворство — время летит. Плетёмся в хвосте — нас постоянно опережают. Надо сменить акценты в работе, нужен силовой, даже демонстративно-агрессивный вариант — на упреждение... Растревожим улей, и дело пойдёт...

Рассуждая о виде «предпринимательской» деятельности закоренелого преступника, Иван старался не углубляться в моральную сторону вопроса, чтобы лишний раз не трепать себе нервы. Чем страшнее дело, тем меньше должно в его расследовании присутствовать эмоций — такую он сделал себе установку и старался ей руководствоваться.

И дело не только в эмоциях. Тупо гребущий бабло дегенерат был, безусловно, фигурой страшненькой. Но не основной. В этом Иван был уже убеждён. Он не раз пытался нарисовать в своём воображении мрачный образ таинственного кукловода. Ничего не получалось, даже в общих

чертах — только игра серых теней и чёрное пятно на их фоне. Он пытался придать пятну узнаваемые черты, но как только что-то начинало вырисовываться, мощная кисть смазывала штриховые наброски.

Никакой мистики, успокаивал себя Иван: недостаток информации порождает избыток фантазии, в данном случае — голодной на факты и злой фантазии. Если проявить терпение, оперативный прагматизм, через Глоту можно было выйти наверх, можно было. И поэтому монстра надо терпеть и беречь — до поры до времени. И в такой ситуации провести чёткую грань между вмешательством и невмешательством было трудно. Иван это понимал. И потому его порой коробило от того, что взрослые затеяли взрослую игру, но даже в узком кругу позиционировали себя как недоросли.

Домой Иван попал поздно вечером — было много разговоров, бумаг, встреч. Хотел было позаниматься делами из своей прямой практики, но силы покинули. Пустота в голове полная. Пока Иван, выжатый, как лимон, пытался расслабиться в кресле, периодически врывался в эту пустоту поток хаотичной информации, отрывочных мыслей, смелых до абсурдности предположений — впасть в забытие не получалось. Он пытался переключить сознание на вопросы быта, осматривал комнату, в очередной раз рисовал себе картину предполагаемого ремонта и вытекающего из него домашнего уюта.

И в тот момент, когда он дошёл до украшения стены напротив декоративной бамбуковой обрешёткой, уже несколько часов преследовавший его шум в ушах внезапно прошёл, сознание прояснилось. Но лучше не стало. Стресс был вытеснен пока не объяснимым, но явным чувством: что-то в комнате не так. Книга, оставленная вчера вечером на журнальном столике, лежала не на своём месте. Иван хорошо помнил: она была на краю, слегка зависала. Кто-то исправил небрежность и положил её более аккуратно. Иван встал, взял издание, открыл на закладке. Точно: не та страница.

Что это — наваждение, игры уставшего разума? Так, идём дальше, надо надеяться, верной дорогой. Осмотрел комнату, коридор. Ещё сюрприз. Вчера он в очередной раз зацепил ногой линолеум и в очередной раз принял окончательное решение устранить это безобразие. Умышленно не стал распрямлять покрытие и оставил задравшийся кусок во всём его неприглядном виде — чтобы, увидев его по приходу домой, вспомнить о своих благих намерениях. Точно, так оно и было. А теперь? Линолеум не топорщится, аккуратно приглажен.

Иван рванул к компу, включил, подождал, проверил. Нет, захода не было. Получалось, кто-то в полумраке споткнулся о линолеум, пригладил его своей злодейской ножкой, затем шастал по комнате, задел лежавшую на краю стола книгу, она упала, закладка вылетела, и незваному посетителю ничего не оставалось делать, как поднять книгу, вставить на

глазок закладку и аккуратно положить источник мудрости на место — с небольшой личной корректировкой.

Выводы? Или в квартире кто-то был. Или пора лечиться. Второе к истине значительно ближе. Валерьянки дома нет и никогда не было. Значит, можно — через силу, конечно, — рюмочку коньячка. Помогло: сон был крепкий, без кошмаров и видений. Утром он улыбнулся своей мнительности. Но полностью от мистического предположения не отказался.

## 4

### Живец на живца

Смагин Андрей Викторович.

Год рождения 1895.

Начальник УРР.

Служит в управлении

со дня основания.

Чуждый мистике яркий оптимист писатель с большой буквы Константин Паустовский, увидевший в ту дождливую ночь в чердачном люке ужасное человекоподобное существо, довольно быстро пришёл в себя. Обошлось без переломов и серьёзных травм, но нервное потрясение оставило в памяти глубокий след.

Прибывшие на место происшествия милиционеры осмотрели чердак, крышу... Ничего. Этот удивительный и ужасный случай писатель не раз пересказывал, уделил ему внимание в своих воспоминаниях...

По больничному двору быстро шли Андрей Смагин и начальник городской милиции товарищ Васадзе. Московский гость был в гражданском, главный милиционер — в новенькой не без шика сшитой форме. Они подошли к стоящему в стороне от других строений одноэтажному дому. У центрального входа, если таковым можно назвать старенькую выдавшую виды дверь, суетились несколько человек в белых халатах, в стороне смиренно стояли две женщины в чёрных платках. По мере приближения начальства медицинский персонал исчез за дверями, остались только женщины, сдвинувшиеся на несколько шагов — в ненадёжную тень негустых деревьев.

Смагин слегка поморщился:

— Двенадцать трупов за два месяца... А раньше спокойно было?

— Терпимо, — сказал Васадзе. Бывало убийств и больше. Бандиты. Но это уже не статистика. Здесь что-то другое.

— Хорошая наука статистика. Но я не по этой части. Здесь, — Смагин указал рукой на морг, — как я понимаю, три трупа. А остальные?

— Похоронили.

— Нельзя было повременить?

— Нельзя, родственники, — твёрдо и спокойно пояснил начальник милиции и добавил, вытерев платком мелкие капли пота со лба: — И погода...

— Понятно. Ну, пойдём.

Открылась дверь, выглянул мужчина в белом халате, вышел и молча вытянулся, ожидая распоряжений, перед Васадзе.

— Осмотреть надо, — неопределённо сказал Васадзе, медработнику этого туманного указания вполне хватило.

Всё трое вошли, длинный коридор, освещение слабое, врач молча шёл впереди.

— Здесь, — сказал он и указал рукой на дверь

Васадзе слегка поморщился, затем начальственно кивнул, дверь открылась. Смагин сосредоточился, вошёл, посмотрел по сторонам. В небольшой комнате четыре стола. Один пустой. На двух покойники, мужчины, прикрытые далеко не белоснежными простынями. Один стол с трупом накрыт полностью. Васадзе чувствовал себя неважно, старался пересилить вполне понятный дискомфорт, достал платок, поднёс к носу, но не приложив, убрал в карман. Доктор заметил, что милиционеру начальнику не по себе, и извиняющимся тоном тихо сказал:

— Жара. Лёд не помогает...

Васадзе понимающе кивнул, взял себя в руки, решительно подошёл к столам с полуприкрытыми покойниками. Трупы имели сильные хорошо видимые повреждения: выросшие, скорее всего, уже здесь, в морге, до огромных размеров гематомы, а также переломы, ссадины. Васадзе показал рукой на тела:

— Вот эти, можно сказать... с большой натяжкой, типичные. Ограбления. Но убийства — какие-то тупые, беспричинные. Не жестокие — дикие. Ни колющих, ни режущих. Словно через молотилку их пропустили. А вот это, — он повернулся к третьему столу, — Это то, из-за чего весь переполох.

Начальник милиции кивнул доктору, и тот решительно снял с трупа простыню. На столе лежала бесформенная, напоминающая мумифицированное человеческое тело масса. Смагин подошёл, внимательно осмотрел то, что процедурно должно называться вещественным доказательством, и вопросительно посмотрел на доктора. Мужчина средних лет недоумённо пожал плечами и отвёл глаза.

— Ясно, сказал Смагин. — Можно закрывать.

Доктор набросил простыню.

— И что экспертиза? — спросил Смагин, обращаясь к Васадзе и искоса поглядывая на медработника.

— Ускоренное разложение тканей, — неуверенно произнёс Васадзе и с надеждой посмотрел на доктора.

— Именно так, — подтвердил представитель самой гуманной профессии и нерешительно развёл руками.

Начальник УРР подошёл к доктору и твёрдо спросил:

— Вы что-то можете сказать? Есть мысли, версии?

— С такими случаями не сталкивался. Это как бы ожёг, обширный ожёг, химический ожёг...

— Кислота или что-то вроде этого? Облили, чтобы следы замести? — спросил Смагин, подошёл к столу, отбросил простыню. Но ведь не замели, материал для идентификации в наличии... Тогда какой смысл? — Закрыв труп.

— Это как бы ожёг изнутри. Словно влили... Как инъекция...

Васадзе смотрел на врача с недовольством, но видя заинтересованность Смагина в диалоге, не вмешивался.

— Хороша инъекция! — только и сказал Смагин и направился к выходу.

На свежем воздухе Васадзе достал из кармана галифе пачку папирос. Смагин покосился — «Герцеговина флор», еле заметно улыбнулся. Милиционер ловко выбил папиросу, предложил гостю.

— Стараюсь сдерживаться, — сказал Смагин. — Но по такому случаю не возражаю. — Взял папиросу, прикурил от спички, предложенной милиционером, затянулся, одобрительно кивнул.

Васадзе прикурил от той же спички, дунул на неё — затушил, покрутил в руке, посмотрел по сторонам и положил в спичечный коробок. Смагин бросил на него одобрительный взгляд, к месту вспомнив, что одной из характеристик начальника батумской милиции была названа любовь к порядку и чистоте.

— По остальным девяти какой расклад? — спросил он.

— Три тяжёлых — как тот кошмар. Это когда тело разлагается... А шесть... Из этих шести два — уличные, обычное дело, гоп-стоп. Остальные — квартирные. И как через молотилку. Многочисленные ушибы, переломы.

— То есть, общая картина. Четыре тяжёлых — с разложением. И шесть с тяжёлыми повреждениями, дикими как ты говоришь. Два обычных. Что сам думаешь?

— Не знаю, что и думать. Осмотрели всё внимательно. Какие—то случаи несвязные. У одних было, что брать. И взято. Другие с хлеба на воду. Следов нет. Сила у преступника или преступников звериная. И ловкость. Проникали в основном через окна.

— Мне б документики посмотреть. Сотрудника своего пришлю. Сотрудницу. Пусть ознакомится. С вещдоками. С трупам.

— Хорошо... — задумчиво сказал Васадзе и тут же спохватился: — Только что ж хорошего?

— Ты это о чём? — уточнил Смагин.

— Да так, о своём. Мутная история...

— Слухи поползли?

— Как без них...

— Кабинетик нам выделили?

— Как же не выделить. Помогайте. Думаю, уже можно въезжать. Надолго к нам?

— Это как получится. И насчёт передвижения по городу — не помешало бы...

Васадзе утвердительно кивнул, подумал, усмехнулся и обрисовал ситуацию:

— Я связался с руководителем «Колхидстроя» товарищем Надия. Он предлагал параконное ландо. Но нет у нас специалистов ни по пару, ни по коням. Выпросил я у него полуторку. И наша дежурная имеется.

— Лихо разворачиваетесь! Газеты хвалят.

— С гор хлынула вода. Такое творилось. Но победили стихию, — с искренней гордостью сказал Васадзе. — С такими людьми! Колхидские болота тянутся до Гурийских гор. Осушаем. Будут у нас советские субтропики.

— Будут. Всё у нас будет — и субтропики, и жизнь субтропическая, — глядя вдаль, сказал Смагин.

## Пересечения

Глота, худой и длинный, как вяленая чехонь, с утра был в приподнятом настроении. Неприятности последних дней его не очень волновали — допущенные потери, парочка непутёвых волонтеров, укладывались в плановые допуски. Потому он не разделял паническое настроение Носаря. Последний орал, сбивался на визг, призывал мочить всех подряд, словом, слегка беспредельничал.

Глота налил ему сто пятьдесят виски и толкнул стакан по лакированной поверхности стола. Ёмкость замерла в намеченной точке. Носарь на мгновение прервал свой пылкий монолог, машинально схватил предложенный стакан, залпом выпил. Приятное тепло быстро прошло тёплой мягкой кисточкой по воспалённым мозгам и затем сползло к ногам. Носарь замолчал, переключился и в очередной раз мысленно похвалил демонические способности шефа.

Глота понимал, что рано или поздно сыскари выйдут и на товарный коридор, и на перевалочную базу — ничто не вечно под Луной. Но чуйка подсказывала, что скорее поздно, чем рано, и потому запасной вариант, опробованный, но не задействованный, надо держать в готовности, но в полной мере не размораживать. Он подошёл к окну и повернулся к Носарю спиной. Подельник понял знак хозяина и, сожалея о своей излишней горячности, неуклюже расшаркался и пошёл к выходу из кабинета. У двери он остановился, осознавая незавершённость ситуации.

— Ждём. Прояснится — начнём, — тихо сказал Глота, не оборачиваясь.

Носарь тупо кивнул и вышел.

Глота не намерен был нервничать с утра — давление, капилляры, тромбы там всякие — и поэтому заставил себя перенести внимание на светлое. Получилось. Вчера на презентации благотворительного фонда возле него крутилась весьма привлекательная женская фигурка. Обаяшечка порхала, разбрасывала улыбки, несколько из них достались всемогущему Глоте. Надо навести справки, подумал он...

Взрыв был слышан и виден издалека. Мягкий мощный хлопок, краткая тишина и затем — крики, шум, паника. Движение на улице застыло. Окна офиса вынесло, из них тянулся на улицу лёгкий едкий дымок. Прохожие не пострадали, если не считать случаев различной степени испуга.

Тем утром я пытался связаться с пропавшим, тогда ещё ненадолго, Иваном и договориться о встрече. Он мне ответил невразумительно, дал понять, что чрезвычайно занят. Я не поверил, но не стал оспаривать право приятеля на одиночество. В тот момент я чётко слышал явно не

мне адресованную фразу: «А это ещё что за произведение?» — и решил, что мой друг осчастливил своим присутствием художественную выставку, возможно даже, в компании с Глебом и Машкой.

Я тогда ошибся. Иван, находившийся со своими новоявленными коллегами в офисе Глоты. Он аккуратно перешагнул через упавшую на пол и чудом уцелевшую роскошную настольную лампу и приблизился к нарисованному на полу силуэту — погибшего уже унесли. У силуэта не хватало головы. Вот этот момент он и произнёс свою сакраментальную фразу, обращаясь к Степану Волошину. Тот пожал плечами и отчеканил:

— Снесло напрочь! Отбotalся...

— Ясное дело, — сказал Иван, понимая, что ничего не ясно, и принял к сведению очевидный факт — правая рука раскинувшегося на полу силуэта была явно укороченной.

И в этот раз Иван не был обязан присутствовать на месте преступления, но его по-прежнему интересовали детали. Иван прошёлся по комнате, осмотрелся, не стал даже в душе корчить из себя эксперта, ограничился личными впечатлениями. Голова была забита мрачными мыслями.

Корнеев как-то обронил в разговоре с глазу на глаз: для Глоты готовится «игрушка» с начинкой. Иван не удивился, ибо незадолго перед этим слышал нечто аналогичное в беседе со Стасом — штатным техническим экспертом, золотой головой и мастером на все руки.

Но не эти отрывочные факты навевали мрачные мысли. Ивана беспокоило, что Корнеев довёл до него информацию, владеть которой он, Иван, в силу своего служебного положения не мог. Не мог ни при каких обстоятельствах — это было внутреннее дело конторы, и оно не касалось всякого рода привлечённых консультантов. Нарисовался вопрос: зачем немальчику Корнееву нарушать строгие служебные инструкции?

Став носителем информации об устройстве с начинкой, Иван невольно превратился в косвенного участника всего последующего. Иван не знал, как можно было это чудо техники «вложить в руки» Глоты. Но мог предположить, по меньшей мере, две-три возможности такой трансакции. И все они были сомнительные.

Сомнения Ивана заключались в том, что, по его мнению, новый хозяин «игрушки» скорее рано, чем поздно должен был обнаружить многофункциональность приобретения. Глота — человек осторожный, любой новый предмет, человек, явление, случай непременно должны были стать объектом повышенного внимания со стороны его неординарной персоны и личной охраны.

Находясь под давлением сомнений, мой друг позвонил и предложил встретиться. Не дома, нет — в парке, на скамеечке у фонтана. Я прибыл

на randevу вовремя, в означенном месте пребывал Иван, рядом с ним молчаливо восседал Глеб. Встреча получилась скомканная. Иван тупо смотрел на воду. Глеб нехотя, с длинными паузами делился своими творческими планами. Затем привёл пару случаев удачливой охоты со спиннингом, уверяя, что взял судака на щучий воблер. Иван, как известно, — консерватор в рыбалке и восторгов по поводу брэндовых рыбацких подвигов не выражал. Я пытался поддакивать, но у меня это плохо получалось.

Затем случилось чудо — Иван оживился и задал нелепый витиеватый вопрос. Передавать его слово в слово не буду — возьму на себя роль переводчика. Вкратце Иван спросил следующее. Какой должна быть новая неожиданно появившаяся у человека вещь, чтобы он, её владелец, не обращал внимания на её особенности, возможно, необычные. Глеб посмотрел на Ивана по-братски, но с сочувствием. Я решил поиграть в дипломата.

Миновав драматическую паузу, мы вместе рассмотрели несколько возможных вариантов как гипотетической вещи, так и её обладателя. Выработали оптимальную версию: она, эта вещь — мала, невыразительна, нефункциональна; обладатель её — слеп, бестолков и страдает склерозом. Иван оценил наш креатив, насколько я помню, не обиделся. Но свои выводы, как мне показалось, сделал.

## 6

### Живец на живца

Душно, звёзды — как в тумане, тишина, слышен любой незначительный звук. Тёмная комната. Мирный обитатель Батума охвачен сладким сном. Окно приоткрыто. В свете Луны появляется силуэт руки, рука опускается на подоконник, затем появляется нога, затем вторая. Злоумышленник обладает редкостной силой, ловкостью и растяжкой. Мгновенье, и на подоконнике сидит человеческая фигура в чёрном. Лунный блик на мгновенье выхватывает из темноты лицо. Хорошо, что жертва спит и не видит полный отвращения и ужаса образ. Пока спит, и пока не видит. Злоумышленник бесшумно распахивает окно и мягко спрыгивает в комнату. Слышен довольно громкий стук по крыше. Тишину нарушают отголоски далёкой и непонятной возни, пронзительный краткий визг и утробное урчанье. Хозяин комнаты просыпается. Тёмная фигура бесшумно скользит за шкаф. Мужчина встаёт, подходит к окну, жадно вдыхает тёплый свежий воздух, закрывает окно на шпингалеты, ложится в постель.

Арсентьев Сергей Викторович.

Год рождения 1895.

Сотрудник управления

режимных исследований.

Служит в управлении с 1923 года.

Архив Смагина.

УРР. Дело 25.6.32. «Живец на живца»

Васадзе выделил кабинет, и московские гости вполне сносно обустроились. Поздним утром Смагин, Арсентьев и Сеулин пили чай.

— Вера уехала рано, мы её подвезли, — сказал Арсентьев. — Васадзе нашёл машину, сдержал слово. Я вчера полистал дела, сегодня прошёлся по адресам.

— По всем?

— По всем, кроме двух уличных.

В глазах Смагина вопрос.

— Это те, которых на улице. Гопники.

— Ясно. Быстро, однако.

— Автомобиль — серьёзная поддержка. А два последних — здесь, недалеко. Выпросил велосипед у дежурного.

— Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения, — задумчиво сказал Смагин.

Сеулин Михаил Афанасьевич.

Год рождения 1898.

Сотрудник УРР.

Служит в управлении с дня основания.

Архив Смагина.

УРР. Дело 25.6.32. «Живец на живца»

— Хорошая книга «Золотой телёнок». Недавно второй раз прочитал. Сильная вещь, — вступил в разговор Михаил Сеулин.

— Но спорная, противоречивая, — высказал своё мнение Арсентьев.

Смагин недовольно поморщился:

— Не без этого, не без этого. Ближе к делу, товарищи. Наблюдения, выводы? Кратко!

Арсентьев открыл тонкую папку, достал из неё два листка бумаги, подвинул их начальнику управления.

— Это всё? — спросил Смагин.

— Всё... в кратком изложении.

Смагин углубился в чтение, однако быстро прервал этот неудобный для других присутствующих процесс.

— Схема города есть? — спросил он, обращаясь к Арсентьеву.

— Нет. Пока.

— Надо найти. Места нанести сможешь?

— Город изучил пока слабо, адреса есть, нанесём. Как тут без схемы...

— Привлечёшь кого-нибудь из местных. Я Васадзе предупредил. Схема нужна, подробности, наблюдения, свидетельства — случайные, сомнительные, любые. Всё нужно.

Сеулин понимающе кивнул, допил чай, поднялся и вышел из кабинета. За ним последовал Арсентьев. Смагин посмотрел им вслед, хотел, было, что-то сказать, но махнул рукой и продолжил чтение. Достал из кармана огрызок карандаша, сделал пометки.

Не прошло и минуты, как дверь кабинета резко открылась. Смагин вздрогнул. Ворвался Васадзе, было видно, настроение у него не праздничное.

— Ещё одно убийство. Квартирное.

— Едем? — спросил Смагин.

Васадзе кивнул, достал платок, вытер шею и добавил:

— Меня с утра в горком партии вызывали. Воспитывали.

Смагин встал из-за стола, аккуратно свернул отчёт, положил в карман, оценивающе посмотрел на Васадзе.

— Воспитывали? Это они могут.

## 7

### Пересечения

В пророчества Иван не верил, хотя к мистике вменяемой скептически не относился. Корнеев позвонил утром, поинтересовался, когда будет в конторе. Иван сообщил: нахожусь дома, минут через двадцать-тридцать доберусь. «На машине?» — спросил генерал. «Да, как обычно» — ответил Иван. «Жду, — сказал генерал. — Будьте осторожны!» Так и сказал. Хорошее пожелание! Вот и думай после таких напутствий, что сие означает: проявление заботы и вежливости или имеющее под собой веские основания предостережение?

Возможно, добираясь на работу, Иван пришёл бы к какому-то определённомu ответу на этот вопрос, но его упорные размышления были прерваны. Пошёл слабый дождик — враг водителя, и в тот момент, когда Иван думал, включать дворники или нет, чёрный старый «мерседес» лихо его подрезал и пошёл впереди юзом: первые капли дождя и дорожная пыль — прекрасная смазка. Иван чудом избежал столкновения и, не тормозя, проскочил мимо незадачливого лихача. Если бы нажал тормоз — или столкновение с мерсом или встречная. Пронесло. Но рубашка на спине мокрая.

Лишь минут через десять, когда машина уже была на стоянке, и крутую езду сменила неспешная прогулка по безопасному тротуару, Иван вспомнил заботливое пожелание генерала, и ему стало немного не по себе. Бывает же такое!

Иван зашёл в генеральский кабинет. Обычно Корнеев восседал в начальствующем кресле. На это раз он встретил его стоя и на мгновение посмотрел на него так, словно увидел привидение. Генерал спецслужбы, видящий привидение, это не кисейная барышня, столкнувшаяся с призраком. В его взгляде гармонично сочетались удивление, радость, недоверие и брезгливость. Странная реакция длилась долю секунды, но Иван не мог её не заметить. Не мог он её и понять.

Корнеев поздоровался и пригласил разместиться за совещательным столиком.

На нём находились два небольших белых листка, в которых Иван при ближайшем рассмотрении узрел две лежащие тыльной стороной фотографии. Без предисловий генерал перевернул одну. Иван засёк, что собеседник следит за его реакцией, по телу пробежал неприятный холодок, заработали надпочечники, он ощутил нездоровое волнение.

— Вы его знаете? — спросил генерал.

Иван внимательно посмотрел на фото, взял в руку, покрутил, меняя ракурс. Изображённый на фото худощавый одетый в небрежный узнаваемый пиджачок мужчина средних лет — Сергей Степашин, штатный сотрудник конторы. Конечно, он его знал, но не мог понять, в чём подвох.

— Да, — ответил Иван, посмотрел ещё раз на фото и отметил про себя, что он узнал не только фигуранта, но и плечо, торчащее слева. Попутно отметил про себя, что снимок сделан негласно. Во всяком случае, Сергей не видел, что его снимают. Что касается плеча, то здесь было, о чём задуматься. И за секунды, выпавшие на раздумье, с большой вероятностью предсказал содержание второй фотографии.

Корнеев ловко перевернул листок. Так оно и было. На снимке — тот же Сергей Степашин, а рядом с ним в пол оборота, в профиль — Иван Смагин собственной персоной. Здесь плечо он уже имел счастье рассмот-

реть более крупным планом. Увеличение изображения отрицательно сказалось на качестве, но детали Ивана не очень-то интересовали. Он пытался вспомнить событие. Сразу не получилось.

— Что из этого следует? — спросил Иван.

— Следует... То, что вы с ним встречались, — ответил Корнеев.

— Неоднократно, — подтвердил Иван и попытался понять, что происходит и что от него хочет напустивший туману начальник. Он решил сделать шаг первым и поинтересовался: — С ним что-то случилось?

— Трудно сказать. Он исчез. Испарился.

— Всякое бывает... — уклончиво отреагировал Иван на тревожную информацию.

— Вы праву, коллега, всякое. Но не с курьером.

Длинные паузы, испытывающий взгляд. Разговор нравился Ивану всё меньше и меньше. Он хотел гордо и независимо замолчать, затем мелькнула мысль встать и уйти. Но понял, не получится — закрутилось что-то серьёзное, исключаящее юношескую задиристость и детскую гордость. Генерал одобрительно кивнул и внёс некоторую ясность:

— Курьер должен был доставить в тайник устройство с начинкой.

— Подарок для Глоты? — уточнил Иван, про себя отметил: недавнее предположение оказалось верным.

— Именно, — твёрдо сказал Корнеев.

Вот вам и невмешательство, вот вам игра на косвенных, это же терроризм, зло подумал Иван и с вызовом сказал:

— Насколько я понимаю, всё получилось, как задумано?

— Что вы имеете в виду? — не без раздражения спросил генерал.

— Глота ликвидирован, — не без вызова ответил Иван.

Корнеев замолчал. Растерянность не прошла, но хоть какая-то векторность обозначилась. Иван понимал: вряд ли его информированность, почерпнутая из общения с другими сотрудниками, есть тайна за семью печатями. Да и силуэт покойного Глоты говорил о многом. Надо было как-то прояснять ситуацию.

— Таинственное устройство — это телефон, — сделал ход Иван, понимая, что предположение может быть и ошибочным.

— Да, телефон, — без экивоков признал генерал.

Иван прикинул, как же не подвести Стаса, хотя не был уверен, что Стас спит и видит, как бы прикрыть его — чёртова служба! Генерал одновременно и развеял его сомнения, и напустил очередную порцию тумана:

— Легкомысленные разговоры среди сотрудников — страшный бич.

Иван опять начал закипать. Он подготовил пламенную речь о соотношении права и морали в любое, каким бы трудным оно ни было, время. Он хотел заявить, что не одобряет методы работы, которые граничат с терроризмом. Генерал упредил точку кипения:

— Это был не тот телефон, о котором болтал Стас. И пояснил: устройство должно было фиксировать всё — разговоры, изображения, посторонние шумы, перемещения масс, инфракрасные объекты...

Иван растерялся, ему стало крайне неудобно, он устыдился своего неразумного предположения. «Успокойся и включи мозг!» — дал он себе команду. Сработало.

— Подмена? — спросил Иван.

— Да.

— Кто доставил телефон Глоте?

— Агент. Это не наша организация.

— А агент взял из тайника?

— Так точно.

— А в тайник доставил или должен был доставить Сергей?

— Точнее не бывает.

Картина складывалась паршивая. Случайный разговор о продвинутом гаджете не был фантазией. Однако довольно странный и авантюрный проект не сработал — произошла подмена. Варианты сбоя: «изготовитель-контора», «контора-курьер», «курьер-агент», «агент-Глота». Результат известен — хитромудрому Глоте вместо чуда техники достался аппаратик с взрывчаткой, и даже силуэт на полу выглядел отвратительно.

— Фото откуда? — спросил Иван.

— Вам лучше знать, фон размазан, — ответил генерал, тяжело вздохнул и добавил: — Вы — последний, кто общался с курьером.

— Если последний... Да, такая встреча была, здесь, недалеко, — ответил Иван. Файл нашёлся, и он вспомнил не только встречу, но и некоторые подробности. — Но это вовсе не означает, что я и есть тот последний, кто контактировал с Сергеем. Я был одним из последних, кто объективно зафиксирован. Как снимки попали к вам?

— Это наши маленькие оперативные секреты, — ушёл от ответа Корнеев.

Весёлый разговор, подумал Иван. Курьер исчез, и этот факт однозначно намекает на возможность его, Ивана, участия — вольного или невольного — в этой комбинации.

— Вы назначали встречу Сергею? — спросил Корнеев.

— Нет, это случайность, — ответил Иван. — Я шёл к машине... Столкнулись, поздоровались, поболтали о безделицах и разошлись.

— И всё? — спросил генерал.

— И всё.

...Иван постарался вспомнить разговор с техническим гением Стасом. Детали спрятались в тумане, и это не удивительно, так как тема на тот момент гипотетического устройства выскочила случайно (опять случайно!) и выразилась в намёках, предположениях и смелых прожектах.

Кабинет Стаса с большой натяжкой оправдывал название. И можно было бы его смело назвать лабораторией. Но тогда бы родилась путаница: лаборатория как таковая находилась в подвале, а та комнатуха, куда без стука ввалился Иван, занимала крайнее положение в длинном плохо освещённом коридоре. Почему без стука? Как Иван объяснил, обитель скрывала от всего земного мира такая старая, облезлая и хлипкая дверь, что стучать по ней было просто неприлично и жестоко.

Стас сидел за столом и перебирал «железо». Какая очередная идея осенила его светлую голову, можно было только догадываться, при этом даже самое смелое предположение имело минимум шансов на истинность. Не в меру худой, довольно высокий, с длинными редкими волосами, аскетическими чертами лица и воспалёнными глазами Стас не производил впечатление физически здорового человека, но мысли и речи его говорили о столь ясном сознании и высоком уме, что всё эти внешние негативчики меркли перед его творческим эго.

Иван принёс очередную партию фактажа, заносимого Стасом в постоянно голодную базу данных. Несколько дней назад гость и хозяин кабинета—лаборатории живо обсуждали некоторые фантастические сюжеты, пришедшие им в голову в связи с анализом компьютерной практики начала девяностых годов.

В те яростные, жёсткие времена в основном «жёлтая» сомнительного — дважды и трижды сомнительного! — происхождения техника лавиной обрушилась на находящийся во взвешенном промежуточном состоянии оплот строителей коммунизма. Огромное количество граждан отвергли казавшиеся вечными и бесспорными заветы и ударились в бизнес.

Компьютерная и оргтехника закупалась по налу, безналу, бартеру — без разбора, и что самое пикантное, всё это олицетворение цивилизации быстро находило себе место в банках и государственных учрежде-

ниях, на крупных предприятиях. Руководители этой мощной сферы бытия, получая немислимые откаты, изо всех сил способствовали новациям, и никому не приходило в голову даже задуматься о способах поставки и многочисленных нюансах авангардного технического вооружения. Ну, а что касается программных продуктов, зарождения массового хакерства и особенностей национального генерирования математики, то здесь лучше всего сделать большую—пребольшую лакуну.

В связи с обозначенной теперь уже давней исторической страничкой Иван забросил игровую темку. Если исходить из ставшей уже банальной теории заговоров, то волна компьютеризации как ничто другое подходила под задачу полной дезорганизации промышленной, финансовой и, как следствие, общественной жизни. Путей, по меньшей мере, два. Поставка некачественных техники и программ и умышленное внедрение всякого рода троянов, как действующих самостоятельно, так и управляемых дистанционно — через сети, почту, радиосигналы.

Стас — человек широких взглядов, он никогда не отказывался от обсуждения самых смелых гипотез, вплоть до предположения, что Бог имеет образ мощнейшей радиогалактики, своего рода соляриса с вселенской компетентностью. Поэтому данный аспект жизнедеятельности гигантской структуры, находившейся в критическом состоянии, не вызвал у него ни шока, ни стремления к глубокому анализу. Он лишь лаконично заявил: технически такое вполне возможно. Что касается организационной части, то здесь он не видел бесспорных подтверждений предложенной теории. Техника завозилась настолько хаотично, в процесс включилось столько временных, неустойчивых и случайных агентов, что вряд ли можно было при таких вводных сформулировать и тем более реализовать обрисованную Иваном задачу.

Затем Стас замолчал, долго смотрел сквозь Ивана, включил кофеварку и продолжил:

— Однако аналогия интересная.

Иван не стал уточнять и приготовился.

— Интересна она пересечениями.

Иван надел на себя маску заинтересованного внимания.

Стас разлил по чашечкам кофе, подвинул сахарницу с торчавшей из него изящной и изрядно потускневшей ложечкой и живо пояснил:

— В конечном счёте, любой сложный процесс, в том числе и тот, что ты упомянул, можно разбить на понятные и вполне анализируемые составляющие. Поставщики, посредники, получатели, склады, объёмы, как в стоимостном, так и в натуральном выражении, основные игроки, мелкие сошки и так далее. Даже при поверхностной систематизации картина ха-

оса, набросанная мазками случайностей, приобретёт вид огромной таблицы, заполненной цифрами и фактами. И поверь мне на слово: заинтересованный и понимающий человек в этой гипотетической таблице увидит немало.

— Согласен, — сказал Иван, отхлебнул горячего крепкого кофе. — Это — как анализ предприятия, отслеживаем информационные потоки.

— Совершенно верно — большого, давшего серьёзный сбой предприятия. Вернёмся к нашей таблице. Она наглядна, в ней при желании и усидчивости выше среднего можно найти многое. Но полной картины она всё равно не даст. Ибо представляет она собой большой архив, и не более. И анализ её максимум, что может дать, это бесконечное количество частных голых фактов. Как думаешь, почему?

— Потому что мы изначально задумали таблицу как сборник цифр и фактов. Формат их изложения мы не задавали.

— Поздравляю, коллега! — Стас оживился, глаза заблестели. — Наши точки зрения совпадают. В нашей таблице нет пересечений. А надо сделать так, чтобы они были.

Иван не стал перебивать собеседника, так как хорошо знал, насколько легко Стас меняет и направление, и содержание разговора даже без сопутствующих факторов. А если сбить, тогда точно основная нить будет потеряна.

— Вот этого недостатка архивного я и хочу избежать. Вот ты принёс мне очередную партию фактов. Можно её тупо внести в определённую страницу, ячейку, и если поисковая система продумана, через час или когда-нибудь в светлом будущем человек понимающий, возможно, сможет обогатить свою память нашими данными. Именно — возможно. Ибо где гарантия, что он наверняка будет знать, что, где и по каким признакам искать.

— Такой гарантии нет, — хитро поддержал разговор Иван.

— А я хочу, чтобы была, — заявил Стас. — Набор фактом, даже исчерпывающий, и система фактов — это не одно и то же. Всё они по каким-то признакам пересекаются. Вот я и прорабатываю эти связи, ключевые моменты. Пытаюсь их связать. Если получится — мы увидим не только таблицу, но и много другого интересного.

Иван не стал сбивать торжественный тон: идея, высказанная Стасом, не была принципиальной новой и по схеме сложной. Но вот её реализация представляла, безусловно, огромный интерес.

— И что же требуется для создания таких пересечений? — спросил Иван более из приличия, чем из надежды получить исчерпывающий ответ.

— Совсем немного — понимание задачи и желание её реализовать. Ну, и ещё некоторые мелочи — надо иметь, простите за нескромность, светлую голову и чугунный зад. И то, и другое имеется, надеюсь, не подведут.

— Ещё, наверное, желательно не ошибиться в параметрах. Иногда встречаются такие причудливые переплетения и фактов, и судеб, что на голову не натянешь.

— Встречаются! — Стас отхлебнул остывший кофе, широко улыбнулся и спросил: — На маршрутке ездешь?

— Конечно. Иногда.

— Нервничаешь, когда водитель тянет время на остановке?

— Иногда, когда спешу. Но понимаю — ждёт пассажиров.

— Зря «понимаешь». Его ожидания никакого отношения ни к плану, ни к заработку не имеют. Это — самообман, ложная посылка. Сезонность, время суток, погода, плотность маршрута — вот определяющие факторы. Так и мы часто...

Стас вздохнул, замолчал. Ивану хотелось знать, собеседник понимал под конечной фразой, но он не стал настаивать на продолжении, предположив не без оснований, что Стас продолжит сам. Так и получилось, но получилось с некоторыми нюансами.

— Я понимаю, — продолжил Стас, всякие там мудрёные игрушки — прослушки с хитрой начинкой для Глоты или Носаря — дело нужное. Но это отдельные приёмы. А меня интересует система действий. Любая структура подчиняется внутренним законам существования и развития, реагирует на внешние воздействия. В полной мере это относится и к криминальной структуре. Я хочу формализовать эти сложные отношения.

— Планы у тебя наполеоновские, — высказал своё мнение Иван. — С шефом делился?

— Планы у меня стасовские. А насчёт генерала — рановато ещё. Его убедить надо, доказать и показать жизнеспособность программы. И это правильно. Так что тружусь я пока дома, наметится что-то удобоваримое, перенесу сюда и продемонстрирую. На пальцах ничего ни показать, ни доказать невозможно.

— Резонно. Просто так придти поболтать — не получится.

Стас согласно кивнул, поковырялся в железяках, и Иван уже решил, что аудиенция закончена. Но Стас неожиданно продолжил:

— Опера давно водят Глоту? — вопрос был скорее риторический.

Иван на всякий случай согласно кивнул.

— Иногда его теряют, — задумчиво сказал Стас.

— Возможно, — Иван просто не знал ни о процессе, ни о результатах наружного наблюдения. Но он не стал разочаровывать приятеля разъяснением статуса привлечённого консультанта.

— Но «иногда» — не считается. В основном-то он на виду, всё пишется, а отдельные случаи — не в счёт.

— Скорее всего, так, — согласился Иван, никогда не вникавший в оперативные проблемы.

— Наблюдение ведут разные люди, отчёты сдают вовремя, — продолжил Стас. — И теряется Глота не «иногда», а два раза в месяц, с интересной периодичностью. При этом меняет машину и отпускает водителя. Вывод: о слежке он хорошо осведомлён и ему на неё наплевать. Но бывают моменты, когда не наплевать. Что это за моменты?

— Вопрос ко мне? — уточнил Иван.

— Нет. Даже не знаю, к кому. Никого конкретно и всех вместе эти мелочи не интересуют. А эти мелочи и есть пересечения.

Разговоры такого рода обычно оставались незавершёнными. Хотя бы по той причине, что завершения у них просто быть не могло. Но Иван всегда был рад пообщаться с интересным технарем, ибо из всех его временных и где-то даже императивных коллег Стас был «живее всех живых». А это уже немало. А если принять во внимание, что Иван всегда покидал импровизированную лабораторию воодушевлённым и заточённым на рабочие подвиги и непростые размышления, то такие взаимопользные встречи стали для него просто необходимыми.

О чём говорит этот извлечённый из памяти эпизод? Изделие было. И сбой был. И виновный был и есть. И при определённом раскладе этим виновным может стать он, Иван. Всё правильно. Но почему «изделие»? А вот почему — Стас не говорил о телефоне, он говорил об игрушке. А телефон и в буквальном, и в переносном смысле нарисовался позднее. Тоже интересно.

## 8

### Живец на живца

В дневном свете комната, где произошло преступление, выглядела довольно богато. Красивый шкаф, выполненный небесталанным мастером под красное дерево, старинная большая кровать, постельное бельё ручной работы... Здесь же стояли далёкие от изыска сундук и две тумбочки, они не вписывались в убранство спальни и выглядели так, словно их пригласили ненадолго в гости из забытого чулана. В постели — труп, лицо перекошено ужасом. Зрелище непривлекательное, явно были видны следы удушения.

Два милиционера, молодой высокий красавец и старый располневший служака, эксперт в гражданском описывали место события. Темперамент способствовал живой и беспредметной дискуссии, которая без ущерба делу прервалась с появлением Васадзе и Смагина. Милиционеры вытянулись, эксперт продолжил колдовать на подоконнике, похоже, начальство его не очень интересовало.

Васадзе, не скрывая охватившего его раздражения, исполнил неопределённую отмашку и скомандовал:

— Продолжайте. — Взял себя в руки, полностью осознав, что виноватых здесь, в этой комнате, нет, запоздало, но тепло, искренне сказал: — Здравствуйте, товарищи!

Милиционеры опять вытянулись, эксперт улыбнулся.

Смагин прошёлся по комнате, осмотрел подоконник, окно, слегка потеснив эксперта. Склонился над трупом, опять подошёл к окну, выглянул наружу, скользнул взглядом по комнате, втянул воздух носом. Спросил, обращаясь к милиционерам:

— Кому-то плохо было?

Милиционеры не поняли.

— Валерьянка. Запах. Кому-то плохо было? — разъяснил он.

— Хозяйке, — внёс ясность эксперт. — Супруге... Вдове, то есть. Она в соседней комнате. Там соседи, они же понятые.

— Кто обнаружил труп? — спросил Смагин.

— Не могу знать, я позже приехал, — отрапортовал, собирая свой чемоданчик, сотрудник.

— Ясно, — сказал Смагин и строго посмотрел на милиционеров.

— Труп обнаружила хозяйка, — сказал молодой. — Жена... — покоился на эксперта и поправился: — Вдова... Подняла шум, прибежали соседи. Они вызвали врача и нас... милицию. Затем обморок...

— Где обморок? Где случился обморок?

— Здесь. В этой комнате. Затем её перенесли в соседнюю. Сейчас ей лучше.

— Она может говорить? — спросил Смагин.

— Да. Её опрашивают, — ответил пожилой милиционер.

— Мне надо с ней поговорить! — сказал Смагин.

— Она напугана, волнуется. Говорит по-грузински...

— Ещё бы... — сказал Смагин, в очередной раз окинул взглядом покойника, кровать и спросил: — А почему супруга спала отдельно? Они в ссоре?

Трудно было понять, кому адресован вопрос, но ответил на него тот же упитанный служивый:

— Вязала она, доделывала заказ какой—то...

В комнату заглянул, затем нерешительно вошёл третий милиционер в форме. Странно, подумал Смагин, уголовный розыск должен заниматься, у них с формой не строго, любовь к порядку тоже должна иметь границы... Вошедший держал в руке блокнот. Он нерешительно посмотрел на Смагина, Васадзе и спросил безадресно:

— Разрешите?

— Входи! — бросил Васадзе.

— Пострадавшая говорит, что видела украденные вещи, — тихо доложил он, зачем—то глядя в блокнот.

— Где? — оживился Смагин.

— Здесь в комнате. Когда услышала шум, зашла и увидела. Они были завернуты в покрывало. Большой свёрток лежал у окна.

— Как лежал? — Васадзе засуетился, прошёлся по комнате и заглянул под кровать.

— И ещё. Она говорит, что окно было закрыто. И соседи то же самое говорят. Но соседи говорят, свёртка не видели...

— Значит, не открывали. Не открывали. Ну и нервы...

— Ты, Андрей Викторович, о чём? — спросил Васадзе.

— О нём. Всё о нём. Он был здесь, когда она вошла. На шум... Как он его? — вопрос Смагин адресовал эксперту.

— Подушкой.

— Другие повреждения?

Эксперт отрицательно мотнул головой, указал взглядом на труп:

— Но... сами видите.

— Вижу. Сразу увидел. Как его перекосило... Но ведь темно... странно... Значит, не успел. Помешала она ему. И когда она шум подняла, за соседями побежала, был здесь. И свёрток от окна отодвинул. И когда её валерьянкой отпаивали, тоже был здесь. Соседи свёртка уже не видели. А хозяйке не до этого было. А когда всё переместились в комнату, собрал награбленное и ушёл. В окно.

— Как здесь? Где здесь? — раздражённо спросил Васадзе.

— Может, здесь. — Смагин подошёл к шкафу и показав рукой на довольно широкую нишу. — Может, здесь. — Он широко открыл шкаф. — А может, здесь, под кроватью.

— С мешком в окно? — Васадзе не скрывал сомнения, прошёлся по комнате, выглянул наружу, затем открыл шкаф и даже лёг на пол, чтобы досконально осмотреть пространство под кроватью.

— Надо бы чердак, крышу проверить! — почти приказным тоном сказал Смагин.

— Там двое наших! — проинформировал вошедший после опроса хозяйки милиционер.

— Закончат — пусть доложат. Немедленно! — отчеканил Смагин.

Милиционер с блокнотом спешно вышел из комнаты, но не прошло и минуты, как он возвратился и извиняющимся тоном сообщил:

— Они уже здесь.

Смагин вышел из спальни, Васадзе последовал за ним. В полутёмном коридоре мялись два милиционера, эти были в гражданской одежде. Мне б столько людей, подумал Смагин и спросил:

— Зацепки есть?

Милиционеры переглянулись и промолчали.

— Нашли что-нибудь? — переиначил вопрос начальник управления.

— Никаких следов, — доложил, как можно было догадаться, старший.

— Никаких? — переспросил Смагин.

— Никаких, — ответил старший и замялся в нерешительности, глядя на Васадзе. Наконец продолжил: — Вот только...

— Да что ж вы всё время смущаетесь, как в гостях, это я и мои коллеги московские должны смущаться, приехали, вмешались... Говорите толком! — попытался переключить обстановку Смагин.

Старший кивнул, его подчинённый развернулся и пошёл в конец коридора. У двери лежал свёрток. Он поднял его и возвратился к начальству.

— Вот... — сказал он и развернул тряпку.

Глазам начальства и подтянувшихся милиционеров предстала разорванная пополам кошка. У Смагина загорелись глаза, Васадзе слегка отшатнулся.

— Молодец! — сказал Смагин. — Пойдём — покажешь.

9

## Пересечения

Юрий Нестеров, имевший квалификацию водолазного специалиста и соответствующий опыт, заметил, что Сашка темнит. У парня изменилось настроение — молчит, раздражается по мелочам, отводит взгляд. И главное — отлынивает от погружений. То рука болит, то нога, то «со вчерашнего» мутит. Рука, нога — лечи. Мутит — в барокамеру: любое похмелье снимет. Дело житейское, но нельзя же постоянно подменяться?

Начались непонятности недели две назад. Да, именно тогда, вроде, в пятницу — как раз перед выходными — страхующий Михалыч в конце дня между делом шепнул Юрию: «Сашка вернулся сам не свой». И добавил: «И раньше времени». Через пару дней пацан стал хитрить. Нырнул на пару метров, подмотал линь и отсиживался, «отрабатывал» время. Бригадир одёрнул. Подействовало. Поработал Сашка несколько дней без эксцессов, и опять начал хандрить.

Бригадир не спешил проводить воспитательную беседу. Погружения были плановые, объёмы работ по обслуживанию очистных сооружений станции позволяли не напрягаться, словом, бежать впереди паровоза не было необходимости. Но и терять человека не хотелось: водолазы, тем более, хорошие, на дороге не валяются. Надо было что-то делать. С этими мыслями Юрий привычными движениями проверил оснащение, «обслюнял» маску и, ловко спустившись по скользкому металлическому трапу, погрузился в мутную воду. Он мог проследовать к четырём плановым точкам даже вслепую и иногда проверял себя — смогу-не смогу? Мог. Но злоупотреблял мальчишеством редко.

Солнечные лучи пробивались сквозь ниши в металлоконструкциях и причудливо обозначали путь светлыми пронизывающими грязную воду столбами. Поржавевший металл покрылся причудливой водной растительностью, где сновали туда-сюда не менее причудливые водные обитатели — мелкие и шустрые.

Не море, конечно, но тоже — водный мир. Вода тянет. Даже заброшенный и никому не нужный блок ТЭС со временем привлёк внимание: поставили забор, машины зачастили и автобусы. Вряд ли бизнесмены производство какое разместят: устроят какую-нибудь базу отдыха с бордель-еро...

В вертикальные световые коридоры время от времени врывались мальки и более солидная мелочь. Их преследовали стайкой полосатые речные флибустьеры — окуни, не стало бы эксклюзивом и появление щуки. Но в этот раз щуки не было. Возможно, она затаилась в тени или

покинула засаду, отлучившись по каким-то своим щучьим делам. Появится — куда она денется.

Ни умение, ни опыт не гарантируют стопроцентной безопасности даже в самой ординарной ситуации. Это Юрий знал хорошо, потому что в истинности этого простого тезиса убеждался неоднократно. Он хорошо помнил, как, охотясь на охладительном пруду на угрей, занырнул в яму и в полумраке попал в рыбацкую сеть. Только благодаря хладнокровию, тщательно продуманным и исполненным действиям удалось, уподобившись ожидаемой добыче — угрю, сантиметр за сантиметром выскользнуть из сети, всплыть на поверхность с минимальными потерями — без пояса и закреплённого на нём ножа.

Опытный водолаз Нестеров хорошо знал опасности, порождаемые даже слабым непредсказуемым течением. Его старому товарищу, не ныряльщику—салаге, на входе в колодец завернуло визуально не заметным потоком воды ноги. Пока бригада пребывала в состоянии панического поиска выхода из критической ситуации, запас воздуха кончился.

Юрий тогда отсутствовал на станции, и теперь грех судить непосредственных участников трагического погружения. Но шанс спасти водолаза был — выдернуть за страховочный линь стоящей на берегу машиной. Что бы произошло с ногами, сказать трудно, но человека можно было спасти. Но никто не догадался. А если даже догадался — не решился.

Юрий не раз представлял себе, как он ныряет, цепляет, выбирается на сушу, закрепляет дополнительный трос, бежит к машине и подгоняет её на позицию, обеспечивающую оптимальный угол усилия... Он и сейчас представил себя в кабине — спокойным, уверенным в себе, тщательно, как снайпер, подбирающим режим газа и сцепления... Он даже увидел условного регулировщика, показывающего ему двумя руками «осторожно, помалу!» А то я и без тебя не знаю, что «помалу», подумал Юрий, и внезапно отметил, что потерял чувство реальности.

Голова раскалывалась. Вокруг — полумрак. Игры света нет. Наверное, Солнце зашло за облако. И гул в голове. Шёпот, слабые неразличимые голоса и... плач — всё было в этом захватившем мозг накатывающемся волнами чужом и пугающем шуме. Это не губительная рыбацкая сеть, не невидимое подводное течение — просто с головой непорядок. Но такой непорядок, что тело парализовано и не понятно, куда лучше: вперёд, назад, на берег или в глубину—вечность.

Юрий постарался взять себя в руки. Что это? Кессонка? С чего? Тут глубина-то смешная. Что-то попало в воздушную смесь? Что? Может, просто пищевое отравление, а давление усугубило?

Водолаз, как несколько мгновений назад, явно слышал голоса, но уже смог взять себя в руки. Он медленно, настолько медленно, насколько смог себя заставить, повернулся и лёгкими движениями ласт придал плохо

подчиняющемуся телу ускорение. Мгновенно наступила тишина, сознание воспринимало только реальные и ставшие привычными звуки. Инструкция — превыше всего: даже при самых простых погружениях должен быть страхующий. Ветеран водолазной службы Михалыч заметил недоброе, но промолчал. И в глазах его Юрий прочёл намного большее, чем беспокойство.

И вот теперь Юрий Нестеров сидел в рабочем вагончике, курил и пытался осмыслить происшедшее: неужели и ему довелось услышать в этой луже реквием бездны? Михалыч поступил дипломатично — не стал досаждать вниманием и расспросами. Он тщательно покашливал на улице, явно выказывая готовность к диалогу.

## 12

### Живец на живца

Сеулин покинул городской рынок наполненный впечатлениями, вызванными шумом, многолюдностью, разнообразием и необычностью товаров. Там было всё, что он мог только представить. Богатый рынок, живой темпераментный народ, обаятельная хитрость, лёгкое мошенничество, ловкие воришки. Пребывая в лёгкой растерянности, он остановился возле бочки с вином, не будучи другом алкоголя, пропустил стаканчик — обстановка навязчиво способствовала и двинулся в сторону горотдела милиции.

На парапет, окружающий подвального окошко старого дома присел подросток-торговец. Одет бедно, на шее висели большие связки сухофруктов. Он снял предмет торговли и аккуратно уложил на прохладный кирпич. Связки большие, часть из них свесилась вниз. Подросток устало вздохнул, вытер пот со лба, посмотрел на Солнце, зажмурился и громко чихнул.

Связки сухофруктов шевельнулись и поползли вниз. Подросток заметил движение, отчаянно схватился за бечёвку и тупо смотрел в подвальное окошко, куда стремились «убежать» лакомства. Он неуверенно потянул связку — не тут-то было, кто-то её надёжно удерживал. Мальчишка не хотел расставаться с товаром, но и в надёжности бечёвки сомневался. Потянул, но без чрезмерных усилий. Но таинственный воришка рассудил иначе: сильный рывок, и связки исчезли в подвальном окошке.

Сеулин не видел начала сцены, он стал свидетелем продолжения. Подросток поднял шум, его окружила ничего толком не понявшая искренне сочувствующая толпа. Мальчишка громко жаловался, возмущался, показывал рукой на подвальное окошко и даже подпрыгивал на месте от возбуждения и возмущения. Сеулин оценил обстановку, быстро обошёл дом, заскочил в старый неухоженный подъезд. Вниз в темноту вела лестница. Несколько тупенек и — полумрак. Остановился, надавил себе пальцами на глазные яблоки и решительно шагнул в темноту.

Подвал большой, разделён старыми перегородками из ракушечника. Через несколько подвальных окошек пробивался свет. Видимость слабая. Остановился, прислушался. Шорох. Крыса? Хотя, похоже, нечто большее. Замер — тихо. Осторожно двинулся в сторону звука. Опять шум. Важно первое впечатление — напоминает нетерпеливое звериное урчание. Затем — резкий визг и какое-то чёрное существо с огромной скоростью пронеслось через подвал. Сеулин — за ним. Что-то крупное, чёрное на мгновение закрыло подвальное окно и исчезло, освободив дорогу дневному свету.

Быстро покинул подвал, подъезд, обогнул дом. Яркий свет слепит, люди что-то громко обсуждают, показывая руками в сторону крыши. Ничего не видно — пусто там. Но было. Мальчишка пропал? Нет — вот он в стороне, уже смеётся, размазывая по щекам недавние слёзы.

## 13

### Пересечения

Носаря вычислили и обложили. Преступник был ярким подтверждением истинности высказывания о том, что некоторым землежителям ум заменяет хитрость, являющаяся концентрацией инстинктов. Носарь был жесток, хитёр и убог одновременно.

Как и любое существо, ведущее всю сознательную жизнь далеко не праведное существование, он много и упорно думал о собственной безопасности.

Физическая сохранность обеспечивалась банальным набором, состоящим из неповоротливых мордovorотов, ограничения информации о маршрутах передвижения, борьбы с возможной прослушкой и пресечением или ограничением опасных связей. Охрана требовала немалых средств, и Носарь не скупился. Но была ещё одна сторона персональной сохранности, которая исключала любые варианты, требующие привлечения третьих лиц или излишней засветки. Это была безопасность финансовая.

Трудно сказать, где и сколько было распахано Носарем денег. Но одно место стало его ахиллесовой пятой. Банк, посещаемый Носарем, стал тайной анекдотической. Вместо того, чтобы посещать оный наряду с другими, возможно, легендируемыми финансовыми учреждениями, преступник решил поиграть в суперагента. В гордом одиночестве, с элементами внешней маскировки он посещал банк, как ему казалось, втайне от всех.

Так ему только казалось. О тайных визитах знал Глота — по той тривиальной причине, что банк принадлежал именно ему. Мало того, именно Глота в своё время ненавязчиво рассказал подельнику об удобстве

использования банковских ячеек и даже привёл проверяемый положительный пример, коим Носарь, выждав конспиративную паузу, воспользовался. Со временем «тайна века» стала известна операм.

То ли Носаря тупо сдали свои, то ли «ахиллесову пяту» выявила слежка — подробностей Иван не знал. Он помнил о разговоре со Стасом, где были упомянутые неконтролируемые отлучки Носаря. Но маловероятно, что Стас мог дать мимолётному и неофициальному выводу формальный ход

Единственным источником закрытой информации был Степан. Иван столкнулся с ним в коридоре, решили заскочить в кабинет перекурить. Помещение, закреплённое за волонтёрами, пустовало — спокойно, уютно. Степан посетовал: людей не хватает, и потому нет возможности взять под колпак всю ОПГ, а всё эти «бои местного значения» — как горох в стену. Иван понимал, что в его приятеле проснулся, если не волкодав, то гончая, почуявшая добычу. Знакомый настрой — понятный и близкий. Но не стал подливать масла в огонь и подзадоривать и без того возбуждённого опера — пассивно поддакивал, согласно кивал и многозначительно разводил руками. Вот тогда Степан, не раскрыв никаких деталей, обронил мимоходом:

— Носарь привязан в банку «Аксиома» коротким поводком. Сколько вокруг не бегай, а к блюдечку с голубой каёмочкой прибежишь, придёшь, приползёшь... — это уж как получится.

— Беречь его надо — ценный фрукт, — высказал своё мнение Иван.

— Само собой — чернозём вселенной, — сказал Степан, слегка выматерился и добавил: — Как же без этого. Он же конспиратор — без оружия, без охраны, парик какой-нибудь нацепит. Возьмём, надеюсь, без стрельбы и царапин. Главное, что б его свои не замочили.

— Есть предпосылки? — спросил Иван.

— Если есть мотивы, то есть и предпосылки!

В том, что мотивы устранить Носаря были, Иван не сомневался. Но на зачистку вся эта катавасия не походила. Криминальная структура по его данным оставалась незыблемой. Речь, скорее, шла о дворцовом заговоре и внутреннем переделе. И если Носарь, нарушив «правило паузы» — буквально через пару дней после гибели шефа решил высунуться, тому были веские основания. Выводы: Носарь — не заговорщик, причина засветки — паника и горячее желание сделать ноги. И всё же что-то здесь не вязалось. Интуиция подсказывала: есть ещё какой-то фактор,двигающий Носаря на непродуманные поступки. И это не алкоголь, не наркотики и даже не страх.

— Ты будешь брат? — спросил Иван.

— Нет, и без меня специалистов хватает. И это к лучшему — пристрелил бы гада на месте.

— А информация?

— Сомневаюсь, — пожал плечами Степан. — Носарь — не та фигура. Сдаётся мне, Глота своего подельника к серьёзным делам не подпускал. Так что информации там пшик, а возни и вони — «цельный вагон». Испортил законников финансовый вопрос.

— И где же ниточки? — поинтересовался Иван.

— Ниточки шли от Глоты, расползались по многим направлениям и где-то замыкались в клубок. Получился сбой, где-то Глота споткнулся... Пошла перезагрузка.

— Ты тоже не веришь в зачистку? — спросил Иван.

— Почём «тоже»?

— Потому что я в это не верю, — пояснил Иван.

Степан устало улыбнулся, сунул окурок в пепельницу и, не скрывая снисходительности, подарил Ивану краткий комментарий:

— Значит мы с тобой единомышленники. Я не верю в зачистку. Но признаки локализации конфликта имеются. Структура перезагружается. И вряд ли такое возможно без заранее подготовленного формата. Каков он, этот формат, и кто нажимает на кнопку перезагрузки — вот это меня интересует в первую очередь.

Вечно спешащий Степан покинул кабинет, Иван затушил оставленный им окурок, окинул быстрым взглядом помещение, пару минут подождал, стараясь привести мысли в порядок и последовал к выходу.

Во второй половине дня Иван узнал, что Носарь был убит. У входа в банк на глазах десятка оперов, охраны и посетителей банка, случайных прохожих снайпер всадил ему разрывную пулю в затылок. Его силуэт в своей верхней части был весьма схож с последним следом Глоты. И ещё Иван подумал о том, что после двух таких мощных ударов криминальная структура должна была, если не развалиться, то хотя бы серьёзно зашататься. Информация, полученная из различных источников, утверждала обратное: она не падала и не сыпалась.

## 14

### Живец на живца

Скляр Вера Андреевна.

Год рождения 1905.

Сотрудник управления

режимных исследований.

Служит в отделе с 1931 года.

Форточку опять прикрыло сквозняком. Смагин встал и зафиксировал её первой попавшейся под руку книгой и продолжил разговор:

— И что говорит медицинская наука? Как можно объяснить такую скорость разложения тканей?

— Наука затрудняется ответить на этот вопрос, — ответила Вера. — Пока могу только сказать, что это — не разложение. В общепринятом смысле. Это видоизменённая ткань. Словно её подвергли воздействию сильного химического препарата.

— Яд?

— Любое сильнодействующее вещество в больших дозах можно рассматривать как яд. Но здесь — такое мощное воздействие. Словно в жертву влили несколько литров агрессивной жидкости. Кислоты, например.

Смагин вспомнил разговор в морге, где упоминалась тогда ещё совсем непонятная инъекция кислотой или другим агрессивным веществом, но сказал другое:

— Залезть в окно через крышу, напоить насильно жертву кислотой. Не проще ли как последнего — придавить подушкой. И унести всё ценное... И что же тогда? Заболевание? Инфекция?

— Маловероятно.

Смагин открыл ящик стола, достал и развернул большую схему города. Указал карандашом на отмеченные на схеме места. Достал из кармана пиджака отчёт Арсентьева, развернул. Пробежался глазами по тексту, поглядывая на схему.

— Занятно. Ещё как занятно, — пробормотал Смагин. Задумался и изменил направление беседы: — Вера, вы у нас человек новый. У нас в отделе. Ваша предшественница решила посвятить себя науке. Достойное решение. Но не знаю, легко ли ей там будет — с таким багажом. Не знаю...

— С каким багажом? — Вера растерялась.

— С нашим багажом, с нашим. Ничему не удивляйтесь. И не сторонитесь самых смелых, самых абсурдных предположений. Вы с кем беседовали? С медиками?

— Да. Люди авторитетные.

— Краткий отчёт, — мягкость руководителя улетучилась. — В письменном виде. Попробуйте осмыслить и изложить версию. Версии. И почему только с медиками? Поговорите с зоологами.

Скляр согласно кивнула.

И ещё... — Смагин говорил медленно, явно испытывая неловкость. — Инструкции, собеседования были. Вы — не случайный человек. Вы один из немногих, кто допущен к нашей работе. Будьте осторожны. Пожалуйста. И смотрите на вещи шире. И смелее. Мы не занимаемся простыми вопросами. И ответы, которые мы находим, тоже не просты.

И замолчал. Вера была уверена, что напутственная речь будет продолжена. Она даже подумала, что он скажет что-то важное — для неё лично. Но Смагин молчал. Он поколдовал над картой, отчётом, протянул руку к телефону, взял телефонную трубку, передумал и положил её на место, тихо сказал: «Лучше с глазу на глаз». Поднялся и вышел из кабинета.

Скляр бросила ему вслед взгляд, полный недоумения и беспокойства, вздохнула, открыла свои записи.

## 15

### Пересечения

Я несколько раз предпринимал попытки связаться с Иваном по телефону. Разговора не получилось. Естественно представилось недоброе — обратился за разъяснениями к Глебу. Он пытался затащить меня к себе домой, но я довольно удачно выкрутился, сославшись на несуществующую занятость, скорую важную встречу и необходимость безотлагательно решить раз и навсегда жизненно важный вопрос. «Ясно, — сказал тогда Глеб, — тоже шифруешься! Чем же тебе поведение Ивана не нравится? Вы что одной беленой питаетесь?»

Вопрос о белене я вежливо пропустил, но отметил про себя, что веду себя не самым достойным образом. Но у меня было оправдание. Мне надо было поговорить тет а тет. А когда Глеб сказал «жду дома», перспектива встречи в моём сознании исказилась. Во-первых, я не знал, какой дом имеется в виду — Глеба или Машки. Во-вторых, писатель-фантаст и друг Ивана — это одно, а художница и волею превратной судьбы подруга Ивана — это другое. Словом, я не хотел, чтобы Машка узнала о возникшей напряжёнке.

Мы встретились в парке, присели на скамеечку. Я вкратце сообщил о причинах моего беспокойства, на что Глеб заверил меня, что «это беспрецедентное свинство» нервирует его не меньше. Он предположил: влез Иван в очередной раз туда, куда его не просили, и теперь мужественно выкручивается, не желая обратиться за помощью к друзьям.

Я заметил, Глеб раздражён. Не мог я не заметить и другое — он реально встревожен. Глеб, как правило, позволял себе только обтекаемые высказывания, на этот раз он нарушил неписанную традицию и позволил себе резкость. «Я его предупреждал, даже просил — занимайся своим менеджментом — и интересно, и доходно, не лезь туда, где тебя не ждут. И

тем более туда, где тебя рассматривают как бесплатное приложение...» Покопался на меня, оценивая, насколько прямолинейно я воспринимаю его мысли и добавил: «Эти ребята используют и... спишут. И медаль не дадут. Игры предлагаются нечестные, но по пионерским правилам. Мы, — он так и сказал «мы» — это уже проходили».

Если сопоставить факты и время, то приблизительно в тот момент, когда мы с Глебом вели понятный по настрою и довольно пустой по содержанию разговор, Иван приближался к уже известному нам по началу этой истории открытому кафе. Иван не относился к любителям праздного времяпрепровождения, к которому он, в числе прочего, относил посещение всякого рода забегаловок. Тем не менее, он уселся за пустой столик, заказал кофе и рюмку ликёра.

Настроение было не ахти. Сегодняшняя встреча с Корнеевым опять преподнесла неприятный сюрприз. Генерал — ну, прямо святая простота! — поинтересовался, ненавязчиво так, обладал ли Иван информацией о готовящейся операции по задержанию Носаря. Что мог ответить Иван? Конечно, знал. В детали посвящён не был, но в общих чертах о том, что Носарь на хорошем крючке, знал.

В основном Иван терпимо относился ко всякого рода полицейским штучкам, но были моменты, за которые он ненавидел фискальный формат. Это был тот случай. Ибо знал — это одно, а кто помог узнать — это другое. Иван хорошо помнил совет старого полицейского из кино: «Если не знаешь, как поступить, поступай по уставу». Столь строгому документу Иван не подчинялся, но рабочая специфика налагала недетские обязанности. Он назвал Степана и ещё пару человек, с которыми перебросился несколькими словами о злосчастном Носаре.

О пересечениях Стаса он, конечно, помнил, но говорить об этом не было смысла. Да, Стас упоминал о периодических исчезновениях Носаря. Да, скорее всего, эти тайные пассы были связаны с банковской ячейкой. Иван ещё раз мысленно подчеркнул: это был неофициальный разговор, в ходе которого было высказано ничем не подтверждённое предположение, не более. Попутно промелькнула и затерялась в общем потоке суетливая мысль: мог ведь Стас с кем-то ещё делиться своими достижениями и планами...

Генерал не мог не понимать, что такие или близкие к ним разговоры не могли не состояться. К чему тогда эти несерьёзные вопросы? Иван даже прогнал в своей памяти мимолётные обмены мнениями, сравнил их. Информация, полученная из трёх разных источников, ничем не разнилась. Единственное отличие — Степан говорил больше, что, впрочем, вполне объяснимо, ибо именно с ним у Ивана сложились приятельские отношения. Иван задал себе вопрос: не подставляет ли он своими откровениями уважаемого опера? Вывод: нет и ещё раз нет — обычное служебное общение. Возникал другой вопрос: к чему вся эта возня?

На последний вопрос Иван и пытался найти ответ после рюмки крепкого апельсинового ликёра. Сладкий добротный напиток быстро разбежался по крови и также быстро добрался до пребывающего в весьма разбалансированном состоянии мозга. Полегчало, но вектор поиска не просматривался. Иван понимал, чувствовал, что он стал предметом повышенного внимания. И это внимание не могло быть вызвано только лишь случайной встречей с курьером, скорее всего, уже неживым.

Проверка? Бессмысленно, так как он не намеревался связывать свою судьбу с силовыми структурами. Внутренняя интрига? То же самое — он ни для кого не был конкурентным. Составная часть игры? Это уже теплее. Только игра какая-то хромая, неуклюжая. Это ему так кажется. А может, это и есть высший пилотаж?

После такого пилотажа повернуться можно прилично, подумал Иван. И скорее почувствовал, чем увидел боковым зрением, вырванную из контекста общей кафешно-кофейной идиллии картинку. Молодая особа привлекательной наружности, сидящая за соседним столиком справа и чуть сзади, вела себя явно неадекватно. Всё люди как люди, а она выглядела как человек, неожиданно оказавшийся на вокзальном перроне и спешащий уехать в любом направлении без билета.

Незнакомка несколько раз лихорадочно шарила в довольно объёмной сумке, два раза проверила карманы джинсов. Иван повернулся и, пренебрегая нормами приличия, прямо посмотрел на девушку. Они столкнулись взглядами. В её глазах он увидел зарождающиеся слёзы и прочёл растерянность. На мгновение у него мелькнула мысль, что эти глаза он где-то видел. Калейдоскоп памяти бешено закрутился, но нужный файл не нашёл — показалось.

Должен отметить, что Иван не был перманентным альтруистом, хотя бы по той простой причине, что мало впустую смотрел по сторонам, постоянно мечтая хоть что-то в этом несовершенном мире подправить. У него была налажена достаточно содержательная и увлекательная жизнь, которая не требовала каких-либо вливаний — ни эмоциональных, ни эмпатических, ни алкогольных. Но иногда на него находило. Возможно, подвернулся именно тот случай.

Иван видел — к девушке направился официант с блуждающей улыбкой наметившего жертву мелкого хищника. Скорее всего, он заметил состояние клиентки и встревожился по поводу её возможной неплатёжеспособности. Мой друг глянул на таинственную незнакомку. Её паника усилилась, и она замерла в ожидании неизбежного.

Иван принял решение, и неизбежное не состоялось. Он привлёк движением руки внимание официанта, изящно показал на девушку и гордо ткнул пальцем в свою довольно мощную грудь. Официант послушно изменил направление движения, развернул блокнотик со счётом и подошёл к нашему благородному герою. Иван щедро рассчитался за даму и за себя.

Официант проникся и туманно, умелым шёпотом прокомментировал событие:

— Не из постоянных, не из девочек. Не знаю даже, что порекомендовать.

— Спасибо за информацию — она, зараза, правит миром, — ответил тихо Иван.

Официант плохо понял мысль моего драгоценного приятеля, ни перечить, ни переспрашивать не стал и величаво удалился. При этом служитель сервиса на всякий случай окинул оценивающим взглядом кафе и близлежащую территорию, пытаюсь выяснить, не прячется ли где-нибудь зараза, претендующая на управление миром.

Надо было продолжать. Иван понимал, что рискует, но, насколько смог, доброжелательно указал девушке на место за своим столиком. Он не решился разыграть дешёвый фарс — с наглостью победителя подсесть к незнакомке. Она встала и быстро пересела. Паническое беспокойство её покинуло, но тот факт, что особа пребывала явно не в своей тарелке, был очевиден.

— Иван, — представился мой друг.

— Маргарита... Рита, — после короткой паузы отрекомендовалась новая знакомая.

Иван понимал: надо сломать возможное банальное продолжение. Человек в беде, и играть на мелком благородстве, требующем благодарности хотя бы в виде принудительно общения — верх свинства.

— Вы меня извините, Рита, — начал Иван.

— Что вы... вы о чём? — спросила слегка сбитая с толку девушка.

— Возможно, я нарушил ход драмы, которая не требует дополнительных авторов и персонажей.

Рита задумалась. В её умных глазах возник интерес. Иван повернул голову в сторону скучающего у стойки официанта и зафиксировал — он наблюдал за ними и ждал развития. Иван кивнул ему, и официант быстро принёс два кофе, рюмку ликёра и коктейль. Последний был преподнесён Маргарите. Никаких договорённостей по этому вопросу не было. «Парниша — неплохой психолог!» — подумал Иван.

Рита отложила трубочку и отхлебнула из высокого бокала. Напиток, скорее всего, слабоалкогольный, подумал Иван. Значит, резкой экзальтации или истерики не будет, но разговор, следует надеяться, оживится. Так оно и получилось:

— Одно к одному... Ещё и кошелёк потеряла...

— Украли, возможно, — предположил Иван и отметил про себя: собеседница не склонна к поиску сторонних виноватых, объективна.

— Вряд ли — я пешком шла, это в транспорте обычно...

— Да и чёрт с ним, Маргарита, — перемелется, — выдал свою оценку Иван. — Что-то ценное было — документы, фотографии?

— Нет, только деньги.

— Понятно. Возможно, я ошибаюсь, но средства на карманные расходы — не главное содержание подлунной драмы, потеря, как я понимаю, стала каплей, переполнившей чашу.

Иван не стал дожидаться ответа и продолжил в довольно решительно форме:

— Будем расхлёбывать?

Рита слегка опешила, отставила бокал.

— Расхлёбывать чашу! — уточнил Иван.

— Расхлёбывать, говорите? Быстро вы... как-то. А я думала вы начнёте с мастера...

— Не понял, — слегка растерялся Иван.

— Ну, Маргарита... Мастер...понимаете?

— Понимаю, — твёрдо сказал Иван. Отхлебнул ликёра и добавил: — Филфаков не заканчивал, стихи не пишу, на улицах с дамами не знакомлюсь. — Подумал и закончил мысль довольно смело: — Даже с очень красивыми.

Маргарита бросила на Ивана оценивающий взгляд, потянула коктейль. Ивану на мгновение показалось, что поспешно, возможно, коряво сотканная нить сейчас порвётся. Он осознавал неловкость ситуации и понимал: надо или решительно действовать или спастись бегством. Тут же ему вспомнилась сакраментальная фраза, выданная Глебом во времена их далёкой и другой жизни: «Убежать мы уже не успеем — придётся защищаться». Момент тогда сложился патовый — патроны почти кончились, а светлый день превратился в вечность и не подпускал спасительную ночь, секунды превратились в минуты, минуты в часы...и во всей своей красе сформировалась глубокая и ёмкая мысль: похоже, кранты...

— Возвращаться туда не надо, — сказал Иван, сам не понимая, вопрос это или утверждение.

— Куда — туда? — широко открыв глаза, и не без удивления спросила Рита.

— Туда, откуда вы так поспешно... — Иван несколько секунд подбирал слово, — отступили.

— Отступила? Вряд ли. Бежала. Послав всё к чёртовой матери.

— И его тоже?

— И его тоже.

Иван попытался нарисовать в своём воображении «его». Не получилось. Но расклад был понятен.

— Теперь надо начать новую жизнь, а любая великое начало требует передышки, — задумчиво сказал Иван, допил ликёр, отхлебнул кофе и закончил мысль в стиле, достойном моего бесценного друга: — Допивайте этот паршивый коктейль — у нас мало времени.

— У нас? — удивлённо спросила Маргарита.

— Главным образом — у вас, но и у нас — тоже, — «чётко» разъяснил Иван и изложил предложение в виде готового решения: — Едем ко мне.

— А там? — спросила Рита.

— А там — спокойно, там нет опостылевших рож, есть стены, которые помогают, есть возможность подумать, отоспаться, привести себя в порядок и принять мудрое решение.

— Насчёт порядка... Что совсем? — с беспокойством спросила Рита и обвела взглядом свою то ли фигуру, то ли одежду, а скорее всё вместе взятое.

— Нет, здесь — всё нормально и даже более, — поспешил разъяснить Иван. — Я больше образ мыслей имел виду. Только новый образ позволит расхлебать старую чашу.

— А вам это зачем?

— Я действую чисто из эгоистических соображений.

— Интересно...

— Мне будет не очень комфортно жить, если я буду часто вспоминать о том, что оставил человека... немного поскользнувшегося... в таком большом городе и... в полном одиночестве.

— Речь идёт о любом человеке? — спросила Рита.

— Речь идёт о человеке, а таковым является не любой.

## 16

### Живец на живца

Бывший полицмейстер Шухарев имел аристократический вид, производил впечатление умного цельного человека. Явно было видно, что он не рад новому знакомству, но и не был незаметным живой интерес в гла-

зах. Кресла удобны, на столе чай, печенье. Смагин не стал тратить впустую время на ненужные любезности, витиеватые предисловия и почти полностью раскрыл карты. Почти. Разговор с первых слов принял приемлемое русло и получил деловое продолжение.

— Бывших сыскарей, уважаемый коллега, не бывает. Кто побывал в роли гончей, тот кротом-отшельником не станет.

— Что верно, то верно, — усмехнулся Шухарев. — Только вот обстоятельства иногда складываются так, что даже суть человеческая, натура нам присущая отступают. Гончая, она существо сообразительное, проворное. Но — не свободное. Нет у неё выбора. А у человека есть.

— Не могу с вами не согласиться. Но порой бывает так, что человек думает, что он свободен, сам выбирает, а на самом деле это его натура подталкивает, поправляет, как кошечка лапой. Это с вашей-то школой и полностью отойти от дел? После Московского уголовного сыска? И стольких лет здесь, в этом удивительном городе?

— Да, уж... МУС — это не фунт изюма. Там школа изрядная, на годы. Иногда такое случалось. Не обо всём знали наши граждане, ох, не обо всём. Вы угощайтесь. От души. А касаясь вопроса вашего, имею честь довести до сведения службы, кою вы представляете, что был в городе нашем шустрый малый. Тогда ещё, до того, так сказать.

— Понимаю, понимаю. Это ж сколько годком минуло...

— Тогда он молод был, а значит, и сейчас не стар. Но есть здесь одно «но», большое «но». Не убивал тот малый. Воровал лихо, с фантазией, с размахом. Но не убивал. Даже пальцем не тронул.

— Время меняет людей. Мечь, обида, зависть, судьба не сложившаяся — вещи страшные.

— Ваша правда, страшные. Особенно, если духом уцербен. Я тут и адресок припас, где он раньше проживал. Вряд ли вы его там застанете, но зацепочки найдёте.

Шухарев достал из кармана халата листок бумаги и положил на стол.

— Ну, удивили. Выходит, сразу поняли, господин Шухарев? Приготовили?

— Сейчас, вроде, уже всё товарищи.

— Вроде, вроде. Товарищем вы не стали. А господином остались. Что ж тут поделаешь. Это жизнь. И школе вашей завидую. В точку вы попали. Сразу поняли. Опыт — дело незаменимое.

— Что ж тут не понять. Я не на Луне — здесь живу. Я думал, вы раньше загляните — на огонёк к старику. Чердаки, крыши. Город знать надо. Не так много вариантов. Словить душегуба надо. Но есть у меня

сомнения. Хотя сколько воды утекло... И крови людской. Меняются ценности, меняется облик наш. Сноровка у него могла остаться, но разумом он точно тронулся. А звали его в лихом народе, да и среди нашего брата Шило — и пролезет везде, и уколоть может. Вы пощупайте, что он сейчас за человек, если жив он вообще. Но сдаётся мне, что не человека вы ловите!

— Как знать, как знать.

— Какие вопросы будут — в ваших услугах. А вообще — поздно уже...

## 17

### Пересечения

Рита временно поселилась у Ивана. Он ей выделил одну из своих двух комнат. Помог приобрести необходимый, как он выразился, девичий минимум. С вопросами приставать не стал и даже «не заметил» осторожную попытку странной гостьи поведать свою таинственную стопроцентно романтическую историю.

Иван, когда излагал мне эту странную запутанную историю, так прокомментировал свою неконтактность по отношению к Рите. Любовь-морковь, охи-ахи и большие надежды, суровая правда жизни, разрушение иллюзий, жизнь дала трещину, непобедимая гордыня, разбежались, как в море корабли — типичный пассаж. Фигуранты таких историй часто страдают склонностью к субъективному легендированию. Выслушивать этот бред — дело неблагодарное. Проще подождать — пусть человек успокоится, разберётся в себе, наметит планы, а потом можно и дельно поговорить. Я с Иваном согласился.

Знакомя Риту со своим несколько подзапущенным жилищем, Иван в шутливой манере поставил три условия: песни не орать, мужиков не водить, голой не ходить. Рита заверила, что не нарушит «устав рыцарского замка». Иван не питал иллюзий по поводу того, что это спонтанное приключение перетащит его в оптимистический формат. Однако признал — окружающие тона посветлели.

Уединившись в своей комнате, Иван копался в бумагах, мудрил с компьютером, анализировал события последних дней, словом, погрузился в свой привычный мир. По привычке для разрядки он оторвался от земных дел и швырнул несколько дротиков в мишень. Получилось неплохо. Воодушевлённый результатом, Иван попробовал поразить объект обстрела 200-миллиметровым гвоздём. Здесь результат тоже был неплохой. Удары в самодельную мишень, закреплённую на стене, были мощными. И тут он услышал из соседней комнаты настойчивое покашливание.

Мой друг начисто забыл о своей гостье и на мгновение растерялся. Понял свою оплошность и прекратил лихую тренировку. На мгновение он

пожалел о своём благородном поступке, так как разместившаяся в соседней комнате особа ломала ему сложившийся годами формат жизни. Но такой настрой длился секунды. Иван жёстко напомнил своему капризному эго вечную истину о том, что мы в ответе за тех, кого приручили, и решил больше не безобразничать. Утром он ушёл рано.

Прибыв на службу, Иван первым делом заскочил к Стасу. Визит был ему необходим, так как он уже второй день хотел поделиться с компьютерным корифеем гениальной идеей. Заключалась она в следующем. Стас, выстраивая свои пересечения, пользовался в основном данным, которые ему предоставляли оперативные службы. То есть, имеем некий объём — чем больше, тем лучше — информации, который необходимо систематизировать, формализовать и «запихать» в комп. Получаем огромное количество упорядоченных определённым образом объектов анализа. Вроде, всё ясно.

Иван не был ни знатоком, ни поклонником теории относительности, и его представления об этом фрагменте человеческого знания сводились к тому, что в окружающем мире нет основных и второстепенных объектов — они всё равны. Такая постановка вопроса ему нравилась, и он не раз утверждал, что длительное пребывание определённой части тела на стуле и замедленный удар стулом, пardon, в зад — процессы совершенно равнозначные. Эту странную аналогию Иван попытался перенести на креативный процесс, коим был увлечён Стас.

Оперативные службы наружного наблюдения, прослушки, технического сопровождения в системе, создаваемой Стасом, вообще были не обозначены. Данные есть, но источников этих данных нет. Многочисленные генераторы информации не введены в систему анализа даже как единый объект. Получается: зад есть — стула нет.

Как всегда, занятый Стас великодушно уделил Ивану внимание и даже предложил выкурить презентованную кем-то сигару. Она жутко воняла. Иван мужественно похвалил умение кубинских мастеров и затушил табачный свиток. Теорию свою он изложил быстро, и, как ни странно, Стас его вполне понял. Так произошло, по моему разумению, по той простой причине, что у Стаса, как и у Ивана, мозги — набекрень. Стас замер на пару минут, глаза его округлились, губы слегка шевелились, казалось, он медитирует. Иван терпеливо ждал. Наконец Стас вернулся в земной мир и сказал:

— Светлая голова, чугунный зад — вот основа... Но ещё надо уметь оторваться от любимой игрушки и посмотреть на неё со стороны. Ты, дружище, прав! Я — полный идиот.

— Стас, только без этого — без пепла, самобичевания. Скажи кратко и прямо — моё предложение принимается.

— Да.

— Оно сильно усложнит твою задачу? Может, забудем наш разговор? Сколько этой жизни?..

— Ванюша, отвечаю: задачу — усложнит. Но это уже другая задача, другой подход. Это же... суперово... две равнозначные системы... ведь генератор информации тоже имеет свою математическую манеру поведения... алгоритмику... закономерности, существует обратная связь... а конфликт... конфликта при равнозначности быть не может...

Иван понял тщетность своего дальнейшего пребывания в замке волшебника—романтика и тихонько удалился. В коридоре он чуть не налетел на вечно спешащего Степана Волошина, который буквально тащил за рукав полицейского, капитана. Судя по направлению движения, Степан пытался императивно переместить собеседника в сторону выхода.

Слегка приобняв капитана, Степан приговаривал: «ну, не сейчас, ну, не сегодня... Завал полный, времени, сам понимаешь...» Офицер понимающе кивал, но не желал войти в положение и проявлял слабеющее с каждой секундой упорство. Он подчинился могучей воле сотрудника элитного подразделения и не сопротивлялся его «гостеприимному» напору, однако в унисон Степану бормотал что-то несвязное: «Ну, напились, ну, перебрали... круговую оборону... дело нешуточное... работа такая, водолазы сам понимаешь... не стать же... и этот, как его, хор, что ли...» Иван ничего не понял, но Степан, видимо, более глубоко изучивший обстоятельства спорного дела, дал свой краткий комментарий: «Так пить! Не то что пение — крокодилы... прилетят... зелёные». Иван не стал вмешиваться в столь содержательный диалог и последовал своим путём.

Его путь лежал к генералу. Хотел он совсем немногого: во всём разобраться, расставить всё точки над «i» и покончить с мучившей его непоняткой. Цель он поставил себе, безусловно, великую, и был к ней близок.

Но зазвонил телефон. Номер незнаком. Иван ответил и был премного удивлён. Звонил участковый инспектор. Удивление получилось двойным. Во-первых, Иван долго не мог сообразить, откуда у участкового номер его телефона. Вспомнил, сам давал пару месяцев назад в связи с пустяковым делом. Успокоился. Во-вторых, не мог понять, каким образом его персону может быть связана с каким-то мужиком, выпрыгнувшим из окна. После разъяснений понял: речь идёт об окне в его подъезде. Не успокоился. Домой? А как же генерал, суровые разборки? *Sic transit gloria mundi...*

Иван смотрел на разбитое окно и ещё раз убеждался в справедливости оперативных методик. Он никак не мог вспомнить, как звать участкового — то ли Игорь, то ли Олег. Именно эти непохожие имена свидетели, подследственные и прочие участники фискальных процессов путают чаще всего. Наконец он вспомнил — Олег. Участковый проводил поквартирный опрос. На звонок в дверь Ивана никто не ответил, и он не нашёл ничего

более простого, как позвонить в рабочее время хозяину квартиры. Видимо, он решил, что именно так можно и даже нужно поступать с людьми, с коими имело место шапочное знакомство.

Мужчина лет тридцати, среднего телосложения, шатен, с чёрными усами, в бомжеватой одежде и такой же спортивной шапочке уже был отправлен по месту назначения — в морг. При нём ничего интересного обнаружено не было — во всяком случае, по словам активного Олега. Третий этаж — не так уж высоко, пострадавший имел шанс остаться в живых. Но неудачно приземлился и свернул шею. Сиганул он мощно — выбил невысокое окно и — в вечность.

— Пьяный? — спросил Иван.

— Несло прилично какой-то сивухой...

— Депрессия?

— Кто его знает... Выясним личность — появится какая-то ясность... Сейчас не поймёшь: может он и бомж, а может, известный художник-передвижник.

Насчёт «передвижника» Иван уточнять не стал. Ответил на несколько протокольных вопросов, заверил: не знаю, не видел, никаких мыслей по поводу этого трагического случая не имею, — и пошёл домой. Рабочий день близился к концу, и возвращаться на работу у него не было никакого желания — статус позволял.

У Риты был комплект ключей, возможно, она пошла по своим таинственным делам. Иван открыл дверь. Тишина. Дверь в комнату гости была закрыта. Разулся и, что естественно, прошёл в туалет. Затем, что не менее естественно, зашёл в ванну. Вернее не зашёл, а хотел зайти.

Он довольно резко открыл дверь, и его взору предстало ослепительное в своей неожиданности и красе зрелище. В пенной ванне возлежала Рита. Она буквально обожгла его взглядом, при этом не шевельнулась, ни слова, ни полслова. Иван опешил и поспешил ретироваться. Он пожалел, что не обладает возможностью растягивать время — неожиданно подброшенное судьбой мгновение стоило продлить хотя бы до минуты. Он пробормотал что-то вроде «пардон, не знал» и, не будет преувеличением сказать, трусливо бежал в свою комнату, отметив при этом необычный запах шампуня.

Бесспорно, он был смущён. Ему было неудобно перед Ритой. Он корил себя, что за многие годы не удосужился снабдить ванну хоть каким-нибудь паршивым крючком. Постепенно успокоился и пришёл к мудрому выводу, что никогда не надо спешить фундаментально обустраивать своё жилище, ибо никто не знает, во что может вылиться бытовая небрежность. И опять мелькнула мысль: «Где-то я видел эти глаза...» Он не стал

тормошить память, так как романтизм истории уже зашкаливал: «Где-то видел... глаза... судьба...» Перебор.

Иван включил телевизор — пусть бубнит. На журнальном столике лежали бумаги, связанные с «гражданским» заказом: Иван не был перегружен предложением генерала и не прекратил консалтинговую практику. Посмотреть? Бесполезно. Он хотел метнуть дротик в мишень — нельзя, смешно как-то. Сел в кресло. Послышались шаги, стук в дверь. Иван вскочил, открыл. Перед ним стояла Рита, одетая в длинную футболку. Мокрые волосы были зачёсаны назад, лицо открыто, глаза полны смешинки.

— Я не виновата, — сказала Рита, — дверь...

— Да, дверь, эта дверь, она зараза, я непременно... — начал свой спич Иван.

— Я бы и сама могла... — осторожно вмешалась Рита.

— Что? — не понял Иван.

— Ну, дверь...

— Не, не, я сам... эта дверь... — возразил Иван.

— А я ужин приготовила, — диаметрально сменила тему Рита.

Иван понял, что он в ауте. Но нельзя же вот так просто суровому мужчине сдаваться.

— Я перекусил, — сказал он и сам себе не поверил.

Рита тоже не поверила и поступила дипломатично:

— Можно просто посидеть поболтать.

Такая дипломатическая альтернатива никак не могла устроить голодного Ивана. Он явно заволновался. Но быстро выяснилось, что поболтать можно на кухне, за обеденным быстро и недурственно накрытым столом.

## 18

### Живец на живца

Сеулин кивнул знакомому милиционеру, быстро прошёл по коридору. Крайняя левая дверь. Осторожно открыл. То, что ещё вчера было весьма неряшливой кладовой, превратилось в чистое помещение, где размещались большой шкаф, два простых стула, изящный трельяж. На одном стуле прикрытый большой белой салфеткой восседал Арсентьев. Его обслуживал парикмахер, немолодой мужчина в белом халате. На втором стуле лежали приборы цирюльника, небольшая чашка с водой, красивый

большой флакон с одеколоном. У окна стоял Смагин и курил в приоткрытую форточку. Он приветливо улыбнулся и даже подмигнул вошедшему. Последнее могло показаться — яркий свет из окна слепил.

Парикмахер закончил стрижку. Арсентьев после его манипуляций бесспорно преобразился. Молодящийся солидный брюнет со щегольскими усами и аккуратной стрижкой критично рассматривал себя в зеркале, чувство неловкости разбавилось блеском глаз, говорившими: а ведь можно и так...

Парикмахер отступил от своей жертвы, осмотрел работу и вопросительно глянул на Смагина. Тот одобрительно кивнул. Мастер изящно сдёрнул салфетку. Открылся добротный костюм, окончательно унёсший Арсентьева в сказочный мир сытости и благополучного эстетизма. Парикмахер поработал грушей пульверизатора, и комнату наполнил тонкий запах дорогого одеколона. Арсентьев встал, сделал несколько шагов по комнате, приосанился, посмотрел по сторонам, заглянул, нагнувшись, в зеркало и произнёс: «Не ожидал...» Парикмахер деланно поправил костюм и демонстрируя незнание обстановки тожественно произнёс:

— Надеюсь, начальство одобрит.

— Уже одобрило, — отреагировал Смагин и добавил, обращаясь к новоявленному денди: — Освободится машина — покидаешь эту обитель и действуешь по плану. — Повернулся к парикмахеру: — Ни одна душа. Понятно?

— В лучшем виде понятно. Понятней не бывает.

Смагин втянул носом воздух, оценивая аромат парфюма, задумался, посмотрел на флакон одеколона, на автора действия:

— А лучше есть?

— Красная Москва. Корни этого удивительного эликсира — французские. Знаменитый парфюмер Брокер создал, императорский дом приветствовал. И сейчас не хуже Франции.

— Надеюсь, — тихо сказал Смагин и перенёс внимание на Сеулина: — Что у тебя?

19

## Пересечения

Нельзя сказать, что пребывание Риты в квартире сильно смущало или стесняло Ивана. Он не их тех людей, которые namного лет вперёд разложили всё по полочкам и знают всё наверняка. Непредсказуемость в поступках, бытовая непрактичность постоянно сопровождали его. Так что можно говорить о необычности, пикантности, волнительности и прочих

романтических атрибутах сложившейся бытовой конфигурации, но не об ущемлении или стеснении обширных жизненных интересов нашего героя.

За ужином Рита поведала Ивану о своих попытках трудоустроиться и намеченном на следующий день собеседовании. Она достаточно прозрачно намекнула о своей высокой квалификации ландшафтного дизайнера, что позволяло сделать вывод о серьёзности и даже судьбоносности предстоящего мероприятия. Из получения достойной работы автоматом вытекала возможность решить проблему жилья. А, если есть работа и крыша над головой, мысли о будущем становятся более дерзкими.

Мог быть и отказ. «Отказ — не провал», — так прокомментировал ситуацию Иван. «Переживём!» — сказал он, не особо задумываясь о многовариантном понимании сказанного. Иван сам несколько раз по жизни «тонул и выплывал» и потому смотрел на драматические коллизии здраво и с юмором. Человек, не понимающий такой формат мировосприятия, мог бы увидеть в его кредо цинизм, равнодушие, эгоизм. Но Ивану было глубоко наплевать на такого рода психологов и моралистов, в чём я его полностью поддерживаю. Поэтому, если Иван сказал «переживём», значит, на него можно положиться. Поняла это Рита и поняла ли именно так, сказать трудно.

Поужинали, мило поболтали и разбежались по своим комнатам — таков итог культурного общения. Во всяком случае, такова была версия Ивана. Человек, его не знающий и не понимающий, что такое искренность намерений, бескорыстие, синдром юбочника, вполне может предположить, что события того вечера развивались несколько иначе. Но это лишь безосновательное предположение.

Рано утром Иван наметил себе довольно содержательный план действий. В числе прочих дел, в список которых входили скандал с генералом, превратившим серьёзное служебное разбирательство в оскорбительную игру — то ли поддавки, то ли кошки-мышки, дружеская беседа со Стасом, разбор свежей информации, было посещение торгового Центра. Иван не любил игры в шпионов, но иногда следовал их правилам. В Центре должна была состояться встреча. Нет, не с секретным агентом — с известным специалистом по психотропным средствам, не пожелавшим афишировать свои контакты с силовым ведомством — это его право. Профессионал с большой буквы подготовил папку с документами по проекту «Нирвана».

Встреча в торговом Центре была намечена на 14.00. И тут Иван, пребывавший с утра в ещё не испорченном настроении, решил «убить двух зайцев». Дело в том, что затащить его даже в мелкую торговую точку, кроме рыбацкого магазина, было равносильно подвигу. А что касается посещения торгового Центра, то эту задачу можно смело назвать невыполнимой. Но работа есть работа.

Раз уж так получилось и пришлось следовать условиям консультанта по наркотикам, почему бы не извлечь из обыденности приятное? Так рассуждал Иван. Огни, витрины там всякие, безделушки яркие, продавщицы улыбающиеся, слегка навязываемый сервис — это ж мечта женщины, и Рита не исключение, подумал Иван. И почему бы благородному джентльмену не доставить романтической гостье небольшую радость? Идея трансформировалась в решение. Оно было непростым.

Вламываться к Рите в комнату было бы верхом неприличия. Разговаривать через дверь — увольте. К тому же Иван даже не удосужился у неё поинтересоваться по поводу времени проведения собеседования, что не позволяло ему проявить свободу выбора. Иван тихонько вышел и направился на работу, строго обозначив себе задачу: в десять позвонить Рите и предложить ей «поболтаться» по Торговому центру. Согласится — хорошо, не согласится — тогда можно принять самостоятельное решение.

К удивлению Ивана генерал оказался на месте и сразу его принял. Иван был готов высказать свои претензии к начальнику, но не успел. Корнеев упредил его.

— Я не могу предоставить вам исчерпывающую информацию, по той простой причине, что вы не являетесь штатным сотрудником. Мало того, даже штатные сотрудники — всё без исключения! — имеют пределы должностной компетенции.

— Я это понимаю. Но... как непосредственный участник прецедента, надеюсь, имею право на минимум вводных. Хотя бы на тот минимум, который позволит дать полезные для общего дела разъяснения.

Корнеев молча кивнул.

— Как фотографии попали к вам? Надеюсь это не самый строгий оперативный секрет.

— Пришли по электронке на мой личный адрес, — ответил генерал, достал пепельницу, закурил и добавил: — Официальный адрес — его знают многие.

— Уверяю вас, отправил не я.

— Охотно верю, — усмехнулся Корнеев.

— Почему смазан фон фотографий?

— Чтобы затруднить или исключить определение места события.

— Но ведь после беседы со мной всё сразу выяснится...

— Выяснится. Но пауза между событием и беседой может быть разной, очень разной — опять начал темнить генерал.

— То есть — дополнительная проверка, опросы... Время?

— Безусловно, — чётко подтвердил генерал, но в его тоне и взгляде промелькнуло сомнение. Иван это заметил и расценил по-своему:

— Проверка, опросы дали основания меня в чём-то подозревать, сомневаться в лояльности моей драгоценной персоны? — спросил он, повысив тон.

— Поберегите нервы, — генерал заговорил жёстко. — Я не живу в мире сомнений. Вас волнует собственная персона. Меня — большее. У меня не вызывает сомнения тот факт, что некто фотографирует вас, и вы этого не видите. Меня крайне беспокоит тот факт, что некто фотографирует секретного агента, и он этого тоже не видит. Даже если бы фотография — монтаж, это уже ЧП. Но это не монтаж. Вы сфотографированы вместе. Курьера нет. И нет, скорее всего, нет в живых. Сорвана операция. Притом начата она, эта операция, нашими руками, а завершена этим таинственным некто. Как вы полагаете, под моими сомнениями есть основания или они плод моего воображения?

— Основания есть, — согласился Иван. — Что касается выводов или предположений... у меня их нет.

— Их и быть не может. Всю известную информацию по понятным причинам я вам предоставить не могу. Не ищите вдохновение в неизвестности.

Генерал встал, прошёлся по комнате, остановился, глядя в окно. Резко развернулся и спросил:

— Хоть какая-то зацепка, деталь, нюанс?.. Он говорил, куда идёт, делился планами, настроением?

— Нет, сущая безделица: «здрасьте—до свиданья».

Скандалное настроение улетучилось. Иван пытался прокачать ситуацию. У него возникло несколько вопросов. Озвучил он один:

— Где человек, передавший телефон Глоте? Он хотя бы жив?

Генерал тяжело посмотрел на Ивана. Мой друг не смог прочесть этот взгляд.

— Хотя бы жив, — ответил Корнеев и добавил: — Телефон взят в тайнике, известном только курьеру и тому, о ком у вас душа болит. С учётом слежки, фотографирования, возможно, известного не только им.

— А курьеру кто передавал телефон? — спросил Иван, не надеясь получить ответ. Но он прозвучал:

— Телефон передавал я.

Остальные вопросы Иван задавать не стал. Генерал дал понять, что аудиенция закончена, и Иван был этому рад — у него напрочь пропало желание продолжать разговор. Настроение — препаршивейшее. Тем не

менее, покинув начальственный кабинет, Иван позвонил Рите. Как и предполагалось, она не приняла предложение «поболтаться», сославшись на занятость. Утро только началось, а судьба уже преподнесла несколько затрещин разной тяжести.

## 20

### Живец на живца

Смагин открыл дверь в кабинет и пропустил Сеулина. Спешно зашли и без слов сели за стол. Смагин достал из сейфа потолстевшую папку, большой свёрнутый лист бумаги. Разложил документы на столе:

— Какие светлые мысли тебя посетили?

Сеулин вынул из кармана пиджака несколько свёрнутых исписанных карандашом листков. Из другого пухлого кармана достал несколько аккуратно свёрнутых газет. Развернул одну, показал рукой нужное место, передал Смагину. Начальник управления быстро пробежал глазами заметку и удовлетворённо произнёс:

— Однако!

— Как раз два месяца назад — дата имеется, — уточник Сеулин.

— Но мы же не в лесу. Что ж никто не видел, не слышал?

— И видели, и слышали. Только не всегда понимали, — победно заявил Сеулин.

— Кроважадность не вписывается. Здесь садов, огородов предостаточно, — выразил сомнение начальник УРР.

— То-то и оно. Вегетарианство, конечно, вещь хорошая. Но — я в местной библиотеке посмотрел кое-что... И птицы, и кролики.

— Но человек? — выразил сомнение Смагин.

— Ещё как. Времени было мало, я вот только четыре случая выписал. И это далеко не всё. Вот это — в Париже, это в Берлине. Хоть руку, хоть голову. Силища неимоверная.

Смагин закурил папиросу. Устало посмотрел на бумаги:

— Сдаётся, что фигурантов у нас два. Один грабит по-зверски, другой беснуется по-зверски. — Помолчал, сделал пару глубоких затяжек и добавил: — А может, и не два. Действуй, Михаил. Арсентьев будет занят. Привлекай Веру. И поосторожней с ней, пусть привыкнет.

Смагин уткнулся в схему. Водил по ней пальцем, бормотал что-то невразумительное и наконец заговорил:

— Город немалый. Посоветуйся со специалистами. Сети, хлороформ, Васадзе стрелков хороших выделит. На всякий случай.

Обида во взгляде Сеулина была очевидной. Смагин улыбнулся и сгладил ситуацию:

— Знаю, знаю. Умеешь. И призы почётные имеются. На всякий случай, повторяю. Шума не поднимай, всё подготовишь — доложишь. И ещё. Встретишь где Арсентьева, ты его не знаешь. Понял?

— Понял.

— Вас, товарищ Сеулин, случаем не Эдгаром зовут? — иронично спросил Смагин.

— Каким ещё Эдгаром? — Сеулин явно удивился.

— Который Аллан По.

Сеулин попытался сообразить, вспомнить:

— Не понимаю, Андрей Викторович.

— Это я так — о своём, — небрежно бросил Смагин, подумал и продолжил: — Как знать, как знать... Печаль в том, что всё так просто. Слишком просто.

## 21

### Пересечения

Иван понимал, что оказался в положении дурака в польском преферансе. Он любил работать, умел работать, хотел работать, но не так, как в последние дни. Недомолвки, намёки, игра, крайний дискомфорт... И главное — он попал в трясины без возможности выскочить из неё гарантированно чистым. В такой ситуации уже не хлопнешь дверью, не перейдёшь на другую сторону улицы, сославшись на гордость и принципиальную позицию. Игра завязалась взрослая.

Мой друг набросал некоторые схемки, составил небольшой список «белых пятен». Далёкий свет в конце тоннеля замаячил, но свет был настолько тусклым, что рассчитывать в ближайшее время даже на стабильные сумерки не было оснований.

Торговый центр слепил Ивана, тяготил многолюдностью, суетой. Встреча состоялась за барной стойкой, под пару чашечек ароматного кофе. Вчерашний кандидат, будущий доктор передал Ивану подборку материалов. Его попытки завести учёную беседу успехом не увенчались и даже слегка обидели внештатного сотрудника силового ведомства.

— Ознакомьтесь с материалами, там вы найдёте ответы на многие мучающие вас вопросы, — доброжелательно сказал консультант. — Молекулярная химия, воздействие синтетических препаратов на структуру ДНК — это не всемирная история, бытовая медицина или методика обучения

и воспитания детей. Здесь специалистов меньше. Но получить определённое представление об интересующем вас вопросе, безусловно, можно. Требуется, — он перевёл озорной взгляд на папку, — совсем немного — внимательно изучить содержимое.

Иван проглотил пилюлю, отхлебнул кофе, выяснил, что собеседник рыбалкой не интересуется и погода его не волнует. В общем, беседа состоялась содержательная. Будущий доктор быстро расшаркался и удалился, а волонтёр-детектив, бережно подхватив драгоценную папку, последовал к своей очередной цели.

Он довольно быстро разыскал нужный отдел и покориł миловидную продавщицу решительностью и невзыскательностью. Иван визуально изучил руки своей романтической квартирантки и путём сложных умозаключений и сравнений «вычислил» размер покупки. Решение принял почти мгновенно, так как полагал: первое впечатление — безошибочное. Его выбор пал на весьма недурственный перстенёк — с завитушками, оригинальностью формы и камушком.

Приобретение было исследовано с разных сторон, и если верить словам торгового менеджера, сулило его предполагаемой обладательнице море счастья и завидную судьбу. Иван был удовлетворён таким прогнозом и, положив покупку в карман пиджака, величаво удалился. Он уже устал от необычной обстановки и спешил к выходу. Здесь было более многолюдно — народ ещё не рассосался по намеченным направлениям. Пару раз спешащие навстречу своим планам покупатели ощутимо его толкнули.

Взору уже предстала желанная улица, как позади, буквально за спиной возникла сумятица: отдельный вскрик, поддержанный тревожным, переходящим в паническое многоголосьем, небольшое столпотворение, отрывочные советы и рекомендации специалистов по оказанию первой помощи. Иван развернулся и приблизился к месту события.

Советы и рекомендации не выполнялись, на полу, скрючившись в позу боксёра, лежал прилично одетый гражданин средних лет и размеров. Народ напирал. По закону жанра некоторые практичные граждане спешно покидали место события. Иван присмотрелся — пострадавший что-то прикрывал или удерживал руками. Рискую быть сбитым с ног любопытными покупателями, Иван присел — мужчина удерживал правой рукой ручку ножа, торчащую из живота. Крови не было. Рука его выглядела нелепо. Наконец сбежалась охрана, беспорядка прибавилось. Иван пошёл к выходу. Час от часа не легче, подумал он, выйдя на улицу и вдохнув свежего воздуха.

Жизнь продолжалась, но всё корявей. Иван хорошо осознавал превратности жизнеустройства. Резкая смена чёрных и белых полос его не удивляла. Мало того, жизненную полосу, выпавшую на его долю в данный период времени, он упрямо-оптимистично рассматривал как бесспорно белую. Он интуитивно чувствовал: события только разворачиваются, и

поэтому можно прозорливо и стойко напевать врезавшийся в память полный веры в светлое будущее припев: «То ли ещё будет, то ли ещё будет...»

Именно внутренняя готовность к очередным неприятностям позволила ему не сорваться в ходе беседы с клиентом по так называемым гражданским делам. Владелец предприятия, представлявшего собой приличный механосборочный цех, провалил выгодный контракт. Сказать, что полностью провалил, нельзя — удалось выкарабкаться, но желаемые дивиденды растворились в авралах и вытекающих из них трудовых подвигах. Производство было новое, станочный парк наращивался, хозяин мечтал о долгожданной стабильности, и тут такой облом.

Когда в начале сотрудничества пострадавший бизнесмен вручил Ивану килограммы складских и бухгалтерских документов, кучу мудрёных экселевских распечаток с ручной правкой и цветными пометкам, мой друг пришёл в уныние. Отказаться неловко, а изучить весь этот архив — нужен целый штат усидчивых до занудства работников. Несмотря на неоднократно высказанную просьбу описать вкратце, схематично драматические события, пострадавший владелец производства, добросовестный и квалифицированный технарь, буквально засыпал кризис-менеджера огромным количеством второстепенных фактов. Иван уже подумал об отказе от заказа, но тут его внимание привлекла одна деталь. Клиент несколько раз повторил фразу «в среднем».

За эти слова Иван и уцепился. Выбрал и бегло глянул помесечные производственные показатели. Попросил заказчика расшифровать, что означает «в среднем». И тут нарисовалось блюдечко с голубой каёмочкой. Удалось выяснить: предприятие новое и не могло с колёс развернуться на полную мощность. Темп набирали поэтапно. Ситуация была проста, но именно обширная номенклатура и связанная с ней детализация сбивали с толку.

Иван поначалу попытался объяснить проблему в реале, с привязкой к ситуации — предприниматель не понял. Тогда он предложил рассмотреть задачу в общем, по основным параметрам. Хозяин согласился. Иван взял листок бумаги и набросал простой пример. Хозяин надел очки.

— Предположим, контракт предполагает изготовление 1200 деталей, — начал Иван.

— Сборочных единиц, — снисходительно поправил хозяин.

— Хорошо, сборочных единиц, — согласился Иван и продолжил: — Вы прикинули и решили, что по 100 единиц в месяц потяните, то есть за год контракт отработаете. Так?

— Так, — осторожно подтвердил владелец цеха.

— Однако цех не был готов к такой производительности — станков не хватало, бытовки не готовы. Так?

— Так.

— И вы решили половину заказа отработать при имеющихся мощностях — где-то по 80 изделий в месяц. А затем запустить дополнительное оборудование, нарастить сменность, увеличить производительность до 120 сборочных единиц и «на ура» покончить со второй половиной заказа. Так?

— Так.

— А теперь считайте, — предложил Иван.

— Что считать? — слегка опешил предприниматель. — Здесь и так всё ясно.

— Ясно — в среднем, — уточнил Иван.

— Да, в среднем, — согласился собеседник, внимательно посмотрел на листок бумаги, и его глаза округлились.

Он без калькулятора обработал базовые числа и кратко выразился непечатно.

— Получается расхождение в полмесяца, прошептал новоявленный управленец и громко заявил: — Этого не может быть! Это школьная задачка, развлечение.

— Вы же только что подтвердили развитие событий? — попытался его урезонить Иван.

— Да.

— С выводами согласны?

— Нет! — твёрдо заявил заказчик, в его глазах горел ярким огнём вопрос: «Где же здесь подвох?»

Видимо, вопрос этот мучил его настолько, что он его озвучил.

— Подвох здесь — в средних числах и неуважении школьных задач. Вы, как инженер, допустите, чтобы техпроцесс описывался в средних числах?

— Конечно, нет! — не без гордости заявил заказчик.

— А почему же вы в элементарной задачке подменяете конкретные показатели средними числами?

Заказчик помолчал, осознавая в полной мере свою ошибку, не удержался и задал, по сути, риторический вопрос:

— И как я сразу не заметил?..

— Потому что вы всю свою энергию, опыт и внимание направили на вот это! — сказал Иван и показал рукой на кипы бумаг. Вы просчитали всё деревья, но не приняли во внимание состояние леса...

Заказчик долго смотрел на листок бумаги с простенькими расчётами, удовлетворённо вздохнул и не без лихости размашисто подписал акт выполненных работ. Иван был доволен итогом сотрудничества. Уходя от заказчика, забыл на столе бесценную папку. Вернулся, извинился, забрал.

Клиент усмехнулся и бросил ему вслед:

— Ещё тут проблемка — банк мой зашатался.

Иван остановился возле двери.

— Ваш личный банк? — спросил он и подумал: «Бедный банк...»

— Нет, до этого я не дорос. Банк, где у меня счёт, — пояснил бизнесмен.

— Откуда информация?

— Из газеты, вроде издание серьёзное.

— Чем серьёзней, тем подлее, — сказал Иван. — Возможно, статейка заказная. Но кто знает — неисповедимы пути. Подумайте о яйцах и корзине.

Клиент явно смутился:

— Простите, какая корзина?

— Та самая единственная, в которой нельзя хранить всё яйца.

Заказчик смешался.

...Голова гудела. Шум в ушах преследовал Ивана и в тот момент, когда он открывал дверь своей квартиры. В полумраке дотянулся до выключателя, стало светло. Выключил, присмотрелся: не пробивается ли из ванной полоска света. Он был бы не прочь повторить вчерашний казус, но в памяти ещё был свеж пронзительный взгляд, которым одарила его Рита, застигнутая врасплох. Ванная была пуста. В комнате Риты тоже было темно. Иван включил свет. Разделся, прошёл в свою комнату.

Заниматься документами не было сил. Иван заставил себя открыть папку и бегло просмотреть несколько листов. Формулы, сложная терминология — кранты. Лучше — на свежую голову. Уставший хозяин квартиры решил не дожидаться Риту и лечь спать. Зазвонил мобильный. Иван чертыхнулся и посмотрел — Стас. В такое время? Иван принял вызов и после первых слов компьютерщика сонливость как рукой сняло.

### Живец на живца

Казалось, всё столики в ресторане уже были заняты. Однако посетители прибывали и прибывали — в европейской и национальной одежде, в военной форме. Негромко играл оркестр. Франтоватый Арсентьев неплохо сошёлся и вёл неспешную беседу с соседом по столику — приезжим, командированным по торговой части одесской организацией с очень замысловатым названием. Цветы, ваза с фруктами, богатая выпивка, закуска уже не смущали — он вошёл в роль:

— Москва — город большой. Но в большом городе и желающих жить хорошо тоже много. Всем не хватает.

— Батум — город проходной. Есть, где развернуться, есть люди, есть возможности. Не соскучишься.

Арсентьев оценивает глубину высказывания, согласно кивает, наливает себе и сотрапезнику коньяка. С удивлением обнаруживает, что бутылка почти порожняя, обиженно окидывает ищущим взглядом помещение ресторана. Как из—под пола вырос официант, крепкий мужчина средних лет:

— Чего изволите?

— Не скажу. Догадайся сам, — куражится подвыпивший гость.

— Вина, закуски? Рыбка локо, мясо пети имеется. Опять же Изабелла, если коньячок утомляет.

— И того, и другого. Много и вкусно, — вальяжно распоряжается Арсентьев, достаёт из кармана толстый бумажник и начинает в нём копаться.

— Не беспокойтесь — отдыхайте. Потом. Будет счёт. А заказ — я мигом.

...Смагин и Васадзе наконец дождались — подъехала обещанная полуторка. В кузове несколько милиционеров. Двое ловко открыли борт. Несколько тюков, длинные шесты, что—то большое, квадратное, накрытое брезентом. Скляр спрыгнула с подножки кабины и подошла к Смагину:

— Всё готово, Андрей Викторович. По списку. Сеулин забежал в библиотеку. Будет позже.

— Что ему там понадобилось? — поинтересовался Смагин.

— Он не сказал, — ответила Вера.

Впрочем, догадываюсь, — неожиданно улыбнулся Смагин.

Васадзе осмотрел кузов, покосился на московских гостей:

— Ну. Вы даёте. Арсенал

— Стараемся, — развёл руками Смагин.

— Я пойду — служба, — Васадзе спешно направился на рабочее место.

— Товарищ Смагин, можно вопрос? — не без волнения просила Скляр.

— Конечно, Вера.

— Андрей Викторович! Сеулин, похоже, прав, всё сходится. Но только отчасти. А как же случаи... — хотя никого рядом не было, она оглянулась по сторонам и перешла на шёпот, — которые мы обсуждали?

— Да что вы, товарищ Скляр. Жара, влажность, климатические особенности всякие... Сейчас другое важно — выследить!

Вера была настолько обескуражена ответом, что не нашла, что сказать, и лишь стояла и недоумённо смотрела на начальника. Смагин одобритительно кивнул, улыбнулся, но ничего пояснять не стал.

На стареньком велосипеде подъехал Сеулин. Агрегат был неисправен, и он затормозил ногой. Аккуратно приставил машину к дереву и подошёл к полutorке.

— Прочитал? — спросил Смагин.

Сеулин стал похож на заговорщика:

— Прочитал... Перечитал. Вспомнил. Времени мало...

— Времени всегда мало, — также неопределённо выразился Смагин и в одно мгновение преобразился: — Прибывает подкрепление. Встретишь. До Поти из порта они трамваем добрались. Сейчас едут поездом. Скоро будут. Разместишь. Инструктировать буду лично. Васадзе даст человека в помощь.

— А сами? — ревностно возразил Сеулин.

— Нет. Не справимся. Не справимся, Михаил Афанасьевич. Борт закрыть, машину не разгружать, быть в готовности.

Через минуту Смагин был в кабинете начальника милиции.

— Зачем так усложнять? — спросил Васадзе. — Всё... — продолжил неуверенно, — почти всё подтвердилось. Мерзавца надо брать. Адрес известен. Возьмём, проведём обыск. Наверняка есть улики. Зачем эти эффекты? Понимаю: ловок, силен. Но это уж слишком. Упустим момент — могут быть ещё жертвы.

Смагин был неумолим:

— Могут быть, но не должны. Возьмём на живца — так что комар... И доложим, естественно, по всей форме. И в горком, и в Москву.

— Если так только... Арсентьева могли и вчера? Где он ночевал?

— Вчера — нет. Сегодня. Да и Арсентьева так просто не возьмёшь.

— Не сомневаюсь! — приосанился Васадзе. — И всё же...

## 23

### Пересечения

Стас — парень, конечно, странный, но на розыгрыш его сбивчивая информация не походила. Он сообщил, что за ним следят. Было не до шуток, опасность могла быть реальной, надо вызывать охрану из конторы, подумал Иван. Слышно было его тяжёлое дыхание — поднимался по лестнице? Напомнить о дежурном, об охране Иван не решился: человек волнуется, сомневается, звонит приятелю, а тот отфутболивает — красиво! Может, самому позвонить дежурному? А кто я такой? А если Стасу почудилось — фантазия у него дай бог каждому. Что делать?

Иван понимал: тянуть нельзя.

— Ты где? — спросил Иван.

— Захожу в квартиру.

— Адрес?

Стас назвал.

— Закройся и никому не открывай. Скоро буду, — без особой уверенности сказал Иван и тут же решил позвонить Степану.

Реакция опытного опера была предсказуемой. Первая фраза: «А кому он нужен?» Вторая: «Еду, выходи, подберу!» Обговорили место встречи.

Всё планы рушились. Когда вернусь? Когда будет Рита? Иван быстро собрался. Секунду поколебался, открыл дверь в комнату Риты, зашёл. Включил свет. Чистота, порядок — непривычно. Положил на столик на видное место футляр с перстнем. Почему так поступил, объяснить себе не смог: как-то по-мальчишески несерьёзно...

Степан подскочил через несколько минут — жил недалеко, автомобиль стояла во дворе. Степан резко сорвал машину, погнал. Водитель он был отменный.

— Звонил — адекватный? — спросил Степан.

— Вроде, да. Слегка запыхавшийся. По лестнице поднимался или волнуется. Может, и то, и другое.

— Он технический работник, — сказал Иван. — Кто им может заинтересоваться? Откуда ветер дует?

— Я вашу кухню плохо знаю. Может, вообще ничего не дует. Приедем — выясним. Я вот думаю: дежурному звякнуть? — Ивана не покидало чувство тревоги.

— И что ты ему скажешь?

— И то верно, — Иван нервничал, сменил тему: — Что за капитан навязчивый тебе нервы трепал?

— Какой?... А тот, что в коридоре... Еле выпроводил. Участковый в посёлке, вместе учились. Работяги напились, повздорили, нахулиганили, попали в обезьянник, статья нарисовалась. Ребята неплохие, просил помочь.

— Помог?

— Как смог. Думаю, на тормозах спустим.

Степан повернул в арку, свернул вправо. Иван только сейчас задался вопросом: откуда у Степана адрес?

— Лихо ты, — сказал Иван. — Адрес как узнал?

— Работа у меня такая, — ответил Степан. — Машину поставим здесь. Дом — вот, — он показал рукой. — Позвони ему.

Иван набрал Стаса. Вызов пошёл. Никто не отвечал. Сигнал прервался.

— Сбросили, — почему-то во множественном числе сказал Иван.

— Хреново, — прокомментировал Степан. — Не нравится мне это. В это время суток подвиг не планировался. Вперёд. Оружие есть?

— Откуда?

— Ну, да. Волонтёры. Рисковать можно — защищаться нельзя. Благогородно.

Степан вышел из машины. Иван последовал за ним. Дома старые, двор запущенный, темно. Степан двигался бесшумно, Иван старался следовать его примеру. Подошли к торцу дома. Степан быстро лёг, опершись на руки, и выглянул. Встал, покачал головой. Иван тоже решил заглянуть за угол, Степан его решительно удержал.

— Там машина, возле неё человек, — тихо сказал он и решительно добавил: — Времени нет. Зачищаю — идёшь за мной. Будет явная опасность — беги.

В то же мгновение Степан громко матернулся, изогнулся и, зацепив плечом угол, вышел к освещённому тусклой лампой подъезду. Иван присел и выглянул. Степан, бормоча что-то невнятное, пьяной походкой подошёл к подъезду, остановился, икнул, достал из кармана пачку сигарет, кое-как извлёк из неё сигарету и, помахивая ей, приблизился к стоящему возле машины мужчине. Тот недовольно глянул на просящего огонька и в то же мгновение рухнул от резкого удара ниже пояса. Степан обернулся и призывно махнул рукой невольному напарнику. Иван вышел из тени и быстро подошёл к подъезду.

Дверь — настезь. В подъезде тишина. Двигались бесшумно. Степан показал три пальца. Лестница, ещё лестница... В подъезде темень — мечта шпаны. Третий этаж. Дверь приоткрыта, виден слабый свет. Приблизились. Шорохи, тихие голоса. Степан глянул на Ивана, улыбнулся, осторожно открыл дверь. В коридоре полумрак, никого. Старый шкаф, дверь в туалет, вешалка, на полу обувь. Приглушённые голоса доносились из комнаты.

Сердце стучало дробным набатом. Из комнаты со света неожиданно вышел человек — в спортивном костюме, кроссовках и балаклаве. Он держал в руке длинный пистолет. С глушителем, подумал Иван. Ещё он обратил внимание, что держит его преступник неуверенно. Неизвестный замер от неожиданности, затем пришёл в себя, подобрался, как перед прыжком, его рука взметнулась в положение выстрела.

Степан кувыркнулся и в падении выстрелил два раза. Нападавший глухо взвизгнул, его ноги подогнулись, рука резко упала. Степан, уверенно вышедший из кульбита, мощно корпусом отбросил стрелка и рванулся в комнату. Мгновением ранее Иван почувствовал тупой и жгучий удар в правую часть лба, увидел, как стена справа брызнула штукатуркой. Успел всё же, подумал он. В нём проснулся солдат. Он тряхнул головой — сбросил оцепенение, в два прыжка подскочил к комнате и последовал за Степаном.

В рабочем кресле сидел Стас, он не шевелился и тупо смотрел широко открытыми глазами на происходящее. Противников было два, третий валялся в коридоре. Оба одеты, как и их поделщик. Правый был занят — Степан выбил у него пистолет, его ПМ тоже валялся на полу, они сцепились в узком пространстве небольшой комнаты, заставленной мебелью. Левый противник пытался навести оружие на Степана. Ну, мы и вломились — на свою голову, подумал Иван, кто ж мог подумать, что они всё вооружены — шпионы что ли? Боровшиеся постоянно менялись местами, готовый выстрелить бандит не мог выбрать мишень, но в любой момент был готов нажать на курок. Он перевёл взгляд на Ивана и повёл пистолетом в его сторону.

Расстояние — критическое, стрелок — правша. «Нырять» было некуда, только вниз — туда, куда бескомпромиссно смотрел ствол пистолета.

Иван, вспомнив надёжный китайский маятник, скользящим движением ушёл влево и резко ударил противника в коленную чашечку опорной ноги. Противник успел выстрелить, но промахнулся. Он зарычал и присел. Иван ударил локтем по предплечью, и пистолет отлетел в сторону двух сцепившихся тел. Иван хотел взять противника за волосы, нагнуть и добавить коленом в скрытое маской лицо. Но не был уверен, что под маской есть то, за что можно было надёжно уцепиться — вариант лысого мачо его не устраивал. Не утруждая себя рукопашными премудростями, он выполнил второй резкий удар в пах, который не дошёл до цели, так как противник умудрился его парировать. «Что же происходит? — пронеслась в голове близкая к панической мысль. — Спецы?»

Иван не видел, что происходит сзади, он лишь услышал голос Степана: «Берегись — сзади!». Ни обернуться, ни уйти в сторону он не успел: сильный удар в затылок «выключил свет и задёрнул шторы». Теряя сознание, он отметил: в комнате за несколько секунд прозвучали, как автоматная очередь, пять—шесть выстрелов. Резануло по ушам. Звуки стрельбы смешались с воплями людей, запах пороховой гари ударил в нос. «Надо будет комнату потом проветрить!» — такая странная мысль была последней посетительницей его померкнувшего сознания.

## 24

### Живец на живца

Назначенный участок осматривали два милиционера — спортивный подтянутый рядовой и весьма располневший сержант. Когда забирались на чердак через люк на крыше, второй в связи с не совсем кондиционными габаритами попал в неловкое положение и чуть не порвал форму. Спустились по шаткой скрипящей деревянной лесенке, отряхнулись. Сквозь швы в черепице, чердачные окна проникали солнечные лучи, чётко очерченные поднятой пылью. Довольно светло. Милиционеры двинулись по широким доскам, лежащим на перекрытиях.

— Осторожней! По доске иди. А то ещё потолок провалим. Перекрытия хлипкие, — предупредил сержант.

— Стараюсь, — почему-то прошептал молодой, едва сдерживая улыбку.

Приблизились к торцовой части чердака, там темнее, но видимость приемлемая.

— Странно, — тихо сказал сержант.

— Что странно?

— А ты подумай. Это с утра уже который?

— Четвёртый. Уже обед, — не понимая вопроса, ответил рядовой.

— Голубей нет, — пояснил сержант.

— Точно. Ни единого.

— Запах чуешь? — сморщился бывалый.

— Как только залезли — потянуло...

— А что молчал? — недовольно буркнул сержант

Молодой милиционер неопределённо пожал плечами.

Сержант замер, достал из кобуры наган и продолжил движение, насколько смог, короткими шажками. Остановился, оглянулся, осуждающе посмотрел на кобуру молодого коллеги. Тот лишь виновато развёл руками:

— Не получил. Оpozдал в дежурку.

Сержант пошевелил губами, выражая одному ему известные мысли, и двинулся в тёмный угол. Среди балок возле выхода большой каминной трубы просматривались куча тряпья, обглоданные косточки, гнилые фрукты, овощи, большая потрёпанная игрушка-кукла, красивый инкрустированный белым металлом рог, старые газеты. На гвоздике на балке висели крупные бусы-стекляшки и надорванная связка сухофруктов.

— Бродяги? — неуверенно произнёс молодой.

Сержант мимикой выразил сомнение. Немую сцену нарушили несколько глухих ударов по крыше. Оба невольно глянули вверх. Удары сменяла возня, похожее на собачье повизгивание и утробное зловещее рычание. Возня перешла в яростную борьбу, удары зловещие звуки, крыша ходила ходуном.

Следующий удар стал критическим, крыша провалилась, и с обломками черепицы на доски рухнуло что-то большое, лохматое, чёрное. В пролом ворвался яркий свет. Взору оцепеневших милиционеров предстала бьющая в конвульсиях крупная обезьяна — морда страшная, оскал звериный, лапы скребут воздух. Агония длилась недолго.

...Смагин не дослушал объяснения сержанта и резко спросил:

— Где эта обезьяна?

— Здесь.

— Где — здесь? — повысил голос Смагин.

— Здесь. Привезли на машине. Пришлось... привлечь... В кузове. Еле дотащили...

— Почему сразу не доложили?

Сержант пребывал в полной растерянности, которая перерастала в страх.

— Впрочем, правильно, — смягчил тон Смагин. — У вас своё начальство. Да и меня здесь не было... Да и вы знать не могли... Не волнуйтесь. Курите?

— Нет, не приучен, — ответил сержант.

— Ну и хорошо, продолжайте службу, — доброжелательно пожелал Смагин и обратился к Сеулину: — Найди Васадзе. К обезьяне не прикасаться. Найди Скляр. Пусть осмотрит. Хотя и так понятно... Заодно пусть осмотрит наших героев.

## 25

### Пересечения

Стас, когда почувствовал опасность, всё же позвонил дежурному... Группа прибыла к разбору полётов. Иван пришёл в себя и увидел склонившееся над ним лицо в маске. «Неужели это конец?» — подумал он. «Спокойно, спокойно, свои!» — сказала маска. «Значит, не конец», — сделал вывод мой чудом уцелевший друг.

В комнате царил хаос, словно в ней происходила битва слонов. Ни Стаса, ни Степана он не увидел. Доктор сделал укол, вытер ему лицо и сообщил: пуля скользнула по лбу... слегка, могло быть и хуже, а вот по затылку нанесён точный, но щадящий удар, скорее всего, ручкой пистолета.

Иван довольно быстро пришёл в себя и надеялся быстро отойти от происшедшего. Но озвученная старшим группы захвата информация загнала его в мрачную — хоть вой! — темноту. Иван пытался найти в ней просвет, как-то объяснить, осознать и принять происшедшее... не получалось.

Стас был убит двумя выстрелами. Два преступника, находившихся в комнате, получили по несколько не совместимых с жизнью огнестрельных ранений. Бандит, вырубленный Степаном на улице, быстро пришёл в себя и поспешил поделщикам на помощь. Это он ударил Ивана. В ответ Степан выстрелил в него наверняка — в лоб. И его можно было понять: в суматохе бандит, с которым вступил в единоборство Иван, подхватил с пола выбитый пистолет, произвёл два выстрела в Стаса и начал решетить компьютер — магазин «стечкина» с глушителем это вполне позволял. Степан действовал рефлексивно: лёжа на полу, успел схватить свой выроненный в борьбе ПМ и обработал беспредельщиков по полной — оставшихся в обойме патронов хватило. Сам он был изрядно помят, но пули его не достали.

Иван открутился, как мог, от стационара. Привёл себя в порядок, оценил в зеркале небольшую героическую ссадину, ощупал болезненное место над левым ухом и, раздав всё возможные пояснения и объяснения, уже под утро убыл попутной оперативной машиной домой. Он верил, нет, он

был стопроцентно уверен, что Рита, если не ждёт его с распростёртыми объятиями, то хотя бы находится дома, и он её увидит.

Однако чёрная жизненная полоса разворачивалась во всей своей мрачной красе. Иван плюнул на всё возможные и невозможные правила приличия и решительно вошёл в её комнату. Никого. Ничего не изменилось? Нет, Рита заходила. У неё было две сумки — одна прогулочная, вторая дорожная. Последней не было, отсутствовала одежда и всё женские штучки. Иван не сразу сообразил и лишь через минуту вспомнил об оставленном на столе подарке — его тоже не было. Прогулочная сумка лежала на тахте. Шум в голове накатывался волнами, они куда-то несли то плавно, то рывками. Иван постарался сосредоточиться.

Рита ушла? Не могла же она вот так? Как — вот так? А сумка? Открыл. Она была пуста. Почти пуста. На дне лежал боевой нож военного образца. Иван знал, что такое НР-1 — нож разведчика. Он самый. Он стал погружаться в полумистический бред. Рита, романтический ужин, понимающие взгляды, перстень, боевой нож... Не много ли? А кто определяет границы абсурда? Только сам человек, из этого и будем исходить, подумал Иван и заварил себе кофе. Хотел хлебнуть коньяка — передумал. Сахара не пожалел — сил прибавилось. Нашёл сигареты, закурил. «Гадость! Но иногда очень даже к месту и ко времени!»

Иван глянул на листок бумаги, лежащий на журнальном столике. На нём он хотел набросать основные пункты размышлений, связанных с событиями последних дней. Хотел. Но не успел — помешал звонок Стаса... Хорошего парня уже не было, а листок так и остался без каких-либо записей и пометок. Голова раскалывалась. Сквозь шум в ушах и боль ползли беспокойные, в основном злые, отрывочные мысли.

Папка по «нирване»... Там должно быть много интересного, но только не сейчас — сил не хватит, время ещё есть. А есть ли оно? Стоп: вероятность славного или бесславного конца пока не рассматриваем. Сомнения, обиды, страхи... Это детали — те же деревья. Где лес? Дело Глоты — не простое, но и не бином Ньютона. Здесь больше властной интриги, сильна коррупционная составляющая. Оперативно его хорошо обложили, осталась только властная добрая воля, так сказать. Перевалочная база не известна... где «бесхозный товар» временно хранится? Что это я — «товар»? Совсем крыша поехала?

Зачем вообще нужна эта глупая провокация? Я — не кадровый сотрудник. Как с информатора пользы с меня никакой. Если вербовка, так и намёков даже не было. Вывести из игры? Кастетом по балде — вот и вся игра. Нож — нежелательно, ибо мерзко и больно. Пистолет? Слишком много чести — невелика фигура, об этом потом. Объективности ради следует признать, что меня в неё, в игру эту пресловутую, и не вводили. Перевести стрелки? Похоже. Основания?

Ведь я — никто, по сути. Не совсем. Никто, но близок к генералу, вхож, пользуется особым расположением. С точки зрения стороннего наблюдателя — особа в фаворе: сегодня волонтер, а завтра... Поэтому возможны частные поручения, которые для всех других, в том числе кадровых, — тайна большая есть. Были такие поручения, намёки? Нет. А могли ли они быть? Могли. И сторонний наблюдатель так думает. По голове хорошо дали, от души, сознание раздваивается! Думаем, думаем.

Как там Корнеев сказал? «Некто». Этот некто устраняет Глоту руками конторы. Зачем? Замкнуть систему на себя? Возможно. Но тогда этот некто уже должен, хоть косвенно, но обозначиться. Может это решительный борец за права человека? Поставил перед собой задачу ограниченную задачу — разрушить преступную структуру. Просто разрушить — без какого-либо продолжения. И такой мотив нельзя сбрасывать со счетов. Но как он смог задействовать контору. Случай подвернулся? Таких случаев не бывает. Нет, не катит.

Почему я генерала не спросил? Ну, подменил телефон злодей-некто — тот же, кстати, курьер, а потом сделал ноги. Ну, молодец! Но телефон или новую начинку надо было подготовить заранее. С каким апломбом он заявил: «Телефон передал курьеру я!» То есть «я» — это по ту сторону добра и зла, вне критики, вне подозрений. А кто вам, господин генерал, передал коварную игрушку? Стас? Или ещё кто-то? Какой же здесь случай? А что если и Глота с его подельниками, и моя драгоценная персона здесь вообще не причём — деревья, обманка. Некто отвлекает внимание от нечто, и это нечто находится в пределах видимости, но мы его не видим. «Нирвана»? Так я вообще толком не знаю, что это за проект. И здесь я — не волшебник, только учусь. Так, стоп: понесло... Переключаемся.

Рита, Рита-Маргарита. Романтическая история? Где-то так. Женщина ушла и не забрала добротную сумочку? Не надо нас душить. Перстенёк взяла — это катит. Нож, боевой нож... Забыла? Нет, не забыла. Пилите, Шура, гирю — она золотая. Я видел такие ножи давно и даже держал в руках — вещь стоящая. Но где-то видел ещё, не так давно. Рита-Маргарита... Хорошо она смотрится в ванной — дурак я дурак. А глаза... Стоп. Глаза!

Иван вспомнил тренировочный лагерь — Степан пригласил «на экскурсию». Настрелялись, накувыркались от души. И там... что было там?

Степан взял за рукав и куда-то повлёк. С непривычки ноги болели, руки не слушались — неохота, но Степан настоял. На площадке тренировались ножевики. Иван забыл об усталости. Он видел, как владеют ножами отдельные спецы из разведроты. Но то искусство не шло с этим ни в какое сравнение. Изящные чёткие передвижения, мгновенная реакция, гармонично связанные каскады неуловимых глазом приёмов и грациозность... кошки. Кошки! Вот о чём он тогда подумал.

Участники боя были одеты, как космонавты. Кто бы ни был под «скафандрами», из-за многочисленных военно-дизайнерских ухищрений и всякого рода боевых прикрас, скрывающих фигуру, получается существо среднего рода. Одно это «существо», способное искромсать противника в доли секунды, глянуло на Ивана. И как глянуло! Вот оно — глаза! В ванной на него смотрели именно эти глаза.

Наваждение? Похоже, что нет. Итак, Рита... допустим, боец спецподразделения, «внедонец». Тогда вся происходившее и происходящее — игра? Её задача? Устранить? Это при её умении? Раз плюнуть. Этого не произошло. Она не враг. Значит — друг? Какой примитивизм. И всё же не враг. Едем дальше.

Труп возле подъезда. Может, бомжик спортивного вида по мою душу приходил? Не каждый гимнаст может так ловко выпрыгнуть из окна. Что там ещё? Третий этаж, мягкая земля-травка и — насмерть? Шею свернул? А не помогли ли? Точнее — не помогла ли? Едем дальше. Торговый центр. Убитый приближался со спины...

Иван поморщился и погладил болезненное место. Показалось — ухо распухло. Опять со спины! Не многовато ли за несколько дней? Что там у него было с руками? Точно: он держал ручку ножа, загнанного в смертельную и удобную для удара точку неудобно, неестественно — прямым хватом. Скорее всего, это был его нож — перехваченный и использованный умелым противником. Что ещё? Люди, да, люди. Несколько человек спешно покинули место происшествия. Их можно понять. Но у кого-то из них причина такого поведения была более веская, чем у других. Зачем Рита оставила нож? Это её инициатива или одно из условий игры, в которой она лишь исполнитель?

Иван проваливался с серую пропасть. Молниями возникали разные мысли, он был не в состоянии собрать их воедино — беспорядочный фейерверк. Главное, надо выделить главное. Рита прикрывала. От кого? От того, кто затеял всю эту смуту. А кто её затеял? Тот кто дёргает, если не за всё ниточки, то хотя бы большую их часть. Иван внутренне содрогнулся: почему генерал ничего не сказал о Рите? Почему? В беседах он не раз показывал удивительную — даже на грани нетактичности! — осведомлённость в личных делах сотрудников. В полной мере это относится и к Ивану.

Корнеев знал о случайных, мимолётных разговорах, но — ни намёком о Рите. Корнеев знал о многих скрытых от посторонних глаз и ушей увлечениях, поступках, но... не знал о трупе возле подъезда, убийстве в Торговом центре. То есть, сотрудник, хоть и внештатный, трепыхается в гуще не самых приятных и совершенно необъяснимых событий, а его начальник морочит ему голову дурацкой фотографией...

Ещё кофе? Пожалуйста, господин Смагин. Коньячку? С утра — с удовольствием. Сон отступил. Стас, бедный Стас. Он убит, наработки его уничтожены. Его «пересечения», кому они могли мешать? Многим, очень многим. Математика даёт беспристрастную картину, она не учитывает дворцовые интриги и подлость власти, она отображает заданную структуру такой, какая она есть. Формализованная совокупность отношений становится наглядной, понятной, предсказуемой. И это не нравится не только преступникам.

Выводы? Глобальных — никаких. Тактические? Вспоминаем мудрость древних: «Если меня обвинят в том, что я украл городские ворота, то я не стану опровергать обвинение и спасусь бегством». Золотые слова! Главное условия — ребят не подставлять: Глеб, Игорь — это не их война.

## 26

### Живец на живца

Ранее утро, сумерки. Номер богатый, просторный, с балконом. Дверь на балкон открыта. Лёгкая штора задёрнута. В небрежно разобранной постели спит Арсентьев. Через светлую занавеску видно, как сверху спускается человеческая фигура, ловко запрыгивает, мгновение — осторожно отодвигает занавеску. Даже подготовленный человек, рассмотрев обличье незваного гостя, наверняка бы ужаснулся. Уродливое лицо, безумные глаза были концентрацией ужаса. Грим выполнен небесталанным психопатом. Исчадие ада осмотрело комнату, задержало взгляд на спящем постояльце, дьявольски усмехнулось.

Арсентьев открыл глаза и тоже усмехнулся. Из-под кровати выкатился мужчина в гражданской одежде и захватил преступнику ноги. Резко отворились дверцы шкафа, из него выскочил милиционер в форме и попытался схватить зловещего гостя. Преступник легко и даже небрежно уклонился, милиционер потерял равновесие, получил толчок в грудь и полетел к входной двери.

Дверь приоткрылась, несколько милиционеров стремились ворваться в комнату, но им мешал упавший милиционер. В тот момент, когда Арсентьев вскочил с постели, преступник ударил схватившего его за ноги сотрудника по ушам, и тот отпустил его, охнув от боли, охватив голову руками.

Преступник действовал как бездушный механизм — спокойно развернулся и уже подошёл к балконной двери. Приблизившегося Арсентьева он ударил ногой, не поворачиваясь. Атака не достигла цели — недавний прожигатель жизни мгновенно уклонился. Дьявольское лицо повернулось, преступник принял борцовскую стойку. Два молниеносных удара ногой по правому бедру сбили самоуверенность — обладатель маски припал на травмированную ногу. Арсентьев подскочил, захватил локтевым

сгибом шеи противника и завернул руку. Наконец ворвались блокированные дверью милиционеры, старший надел задыхающемуся злодею наручники и резким толчком усадил его на пол.

Через мгновение в гостиничный номер вошли Смагин и Васадзе. Начальник милиции подошёл к задержанному, сидящему на полу, сорвал маску. На него холодно снизу вверх смотрел официант, обслуживавший Арсентьева. Васадзе не скрывал ненависти:

— Твоя песенка спета! Но лучше б тебя обезьяна удушила.

— Ещё не спета. Да и никого она не душила... — неожиданно прозвучала тирада Смагина.

Наступила тишина. Начальник управления замер, словно к чему-то прислушивался. Затем подошёл к задержанному, внимательно на него посмотрел и тоном, не допускающим возражений сказал:

— Оставьте нас, товарищи. Ненадолго.

Присутствующие были явно удивлены, но возражать никто не осмелился. Васадзе вышел последним и осторожно неплотно прикрыл дверь. Смагин присел на корточки:

— Долазился, Шило?! Давно это у тебя? — презрительно спросил Смагин.

Преступник не ответил.

— Видно, давно. Ты ж домушник! Со смертью решил поиграть? Ладно, считаться не будем. Каждый сам себе выбирает.

— Что выбирает? — с вызовом спросил ряженный.

— Судьбу. Судьбу выбирает, — пояснил Смагин, встал, бросил взгляд на потолок, ещё раз глянул с недобрым прищуром на убийцу, резко развернулся и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

## 27

### Пересечения

Степан морщился, кривился, потирал ушибленное плечо, но слушал. Видно было, ему, опытному служаке, совершенно не нравилась вся эта история. Он мог понять всякого рода милые хитрости интриганского и процессуального плана, мог понять персональную неприязнь, ненависть и даже личные счёты по отношению конкретному преступнику, но переть против ветра, начальства, то есть, было не в его правилах.

И это была не боязнь карьериста или страх неуверенного в себе человека, нет — это было выработанное длительной практикой оперативной работы чувство реализма, которое без посторонней помощи даёт ответ на

вопросы: что можно, что можно, если очень хочется, и что нельзя — никогда и ни при каких обстоятельствах. Он мог пойти на конфликт с человеком, но не мог конфликтовать с системой. Так выглядели состояние и позиция Степана. В его глазах так и было написано: перебор. Иван и сам это понимал, но обратиться больше было не к кому. И Степан это хорошо понимал.

Иван вкратце ознакомил приятеля с неприятным положением, подброшенным ему превратной судьбой. Он не мог и не хотел полностью раскрывать картину. Не мог — в силу служебной специфики. Не хотел — ведь он не на исповеди, к тому же не всегда однозначно ясно, когда мы священнослужители и когда грешники, поэтому любая откровенность должна иметь разумные пределы.

По поводу фотографии Иван сообщил, что зафиксирован добрым папарацци в нежелательное время, в ненужном месте и с не нуждающимся в рекламе человеком. Степан снисходительно скривился и спросил: «Женщина?» Иван подумал сразу о Маргарите и постарался отогнать эту мысль. Однако вопрос и, главное, тон, которым он был задан, поставил его в тупик. Он не стал вдаваться в гендерные детали и лишь ответил: «Это — не бытовуха».

Степан задумался. Мой друг ожидал дополнительных вопросов, они не последовали. Старый опер задумчиво-риторически пробормотал: «Неужели дед приплёл тебя к шпионским играм... Это нелогично. Может, ты переоцениваешь важность этого факта?» «Возможно, — согласился Иван и продолжил: — Есть и другие неприятные факты». И рассказал о трупах в подъезде и Торговом центре. Степан выслушал его рассказ без особого интереса. Он был скорее удивлён, чем озадачен, укоризненно посмотрел на Ивана и спросил:

— И причём здесь ты?

— За два дня два случая, с таким исходом...

— Случаи неприятные, пусть участковый, уголовка думают. Кроме тебя в подъезде проживает несколько десятков человек, в магазине — сотни болтаются, — тон его стал жёстче. — Скажи прямо, ты являешься носителем важной, представляющей для кого-либо опасность информации?

— Нет, — уверенно ответил Иван.

— Вопрос второй: ты имеешь отношение к большим деньгам?

— Нет. И даже к малым.

— И тогда вопрос последний: обидел ли ты кого-нибудь так, чтобы он стремился свести с тобой счёты?

— Нет.

— Тогда что ты мне голову морочишь?

Было видно, Степан горячился, и горячился чрезмерно: он не был настолько эмоционален. Природа этого немотивированного беспокойства была не понятна. Он задумался и изрёк:

— Хорошо. Пусть будет по-твоему. Как говорится, если я параноик, это не значит, что меня не преследуют. Источник опасности? Предположительно, фантастически. Как угодно — где, откуда угроза?

— Не знаю, — ответил Иван.

— Давай начистоту, — Степан непонятно поморщился — то ли брезгливость, то ли неприятие обсуждаемой темы. — Ты полагаешь, происходящее проделки генерала?

Что мог ответить Иван? По большому счету, всё происходящее с ним последнее время, скорее косвенно, чем прямо — проделки генерала. Поэтому он, не особо кривя душой, ответил утвердительно.

Он вспомнил каверзную историю с сейфами, не всю, только её конец. Что там Корнеев говорил о четвёртом элементе? Это была шутка или мимолётное откровение победителя? Вкратце рассказал сюжет Степану и предположил, что четвёртый сейф — это реальность, и, возможно, узнал он то, что ни «юпитеру», ни «быку» знать не положено. Кто знает, какое там было продолжение?

Степан посерьёзней, насупился.

— Так это ты стариной работы сейфы бомбанул? Молодца... Тут легенды ходили... Продолжение, говоришь? Деталей не знаю, но могу предположить, что «Нирвана» твоя оттуда выросла... Ты в ней далеко продвинулся?

Иван не понял и переспросил:

— В чём — в ней?

— В «Нирване» — в ней родимой.

— Пока топчусь на месте, если честно, даже толком не приступил. Да и не об этом речь. Делать что?

Степан задумался и изрёк:

— Всё же думаешь, тебя подставляют или разменивают... Детективов посмотрелся? Хотя, кто знает... Спасение в этом возможном конфликте — светлая голова, чугунный зад и... быстрые ноги. Последнее, пожалуй, самое эффективное. Есть гениальное предложение — сбежать.

— От кого и от чего? — спросил Иван.

— От неблагоприятного стечения обстоятельств.

— Есть куда?

— На острова мы уже не успеем, но местечко, где можно на время залечь, имеется, — задумчиво ответил Степан.

## 28

### Пересечения

Удивительное совпадение: пока Иван прозябал на конспиративной квартире, я возделывал в Архиве очередное дело группы Смагина, ничего не зная о судьбе моего приятеля, находившегося в крайне затруднительном положении. В финале той далёкой истории остро стоял вопрос момента истины, заключавшемся в полном раскрытии всех злодеев-фигурантов. Сюжетный ход довольно затасканный, но жизнь тоже часто витиевато повторяется. И там, в далёком Батуме, дед Ивана запустил довольно жёсткую схему, которой я никак не мог придумать название...

Иван, пребывавший в гордом одиночестве в апартаментах не самой первой свежести, уже, бог знает, в который раз прокручивал в голове события последних дней. Он чувствовал: точка, пока только точка, понимания формируется, где-то засветилась вдали зацепка.

Генерал — друг или враг? Рита — друг или враг? Крайне трудно выстроить логическую цепочку в таких полярных координатах. Но ведь полярность ты сам задаёшь? Кого винить? Вот Стас — свой парень, не злодей, мечтатель, намеренное зло от него не могло исходить. Степан — не ангел, просто служака, нормальный решительный мужик. Может погорячиться, поссориться, но на мелкую интригу не способен. На мелкую? Да! А на крупную? Пока отложим и вопрос, и ответ.

Фото, опять фото. В конечном счёте — зачем оно? Дискредитация и прочее — это детский лепет. Нужно было перевести стрелки, выиграть время. Вот такая малюсенькая роль была ему отведена.

Иван скептически отнёсся к пожеланию Степана выключить телефон. Смысл? Не в кино же. И потому был на связи. Когда прозвучал звонок, он вздрогнул. Когда увидел абонента, вздрогнул двойне. Звонила Рита. Иван принял вызов. Разговор был коротким. Рита извинилась за своё исчезновение и предложила встретиться через час в кафе — в «том самом» и даже уточнила адрес.

Как быть? Никакие силы не смогли бы выманить Ивана из вынужденного пристанища, за одним исключением. Вот это исключение и проявилось.

Кошмар той ночи, когда был лишён жизни добряк и умница Стас, спрятался где-то в далёких уголках мозга и некоторое время не давал о себе знать. Есть такое свойство сознания — отложить кризисный опыт,

дефрагментировать и затем оживить, показать его в другом ракурсе. Похоже, этот момент наступил.

Надо ехать! Машины не было, общественным транспортом за час вполне можно было добраться. Отсюда — да. А из другого места? Совпадение? Понятно, что на такси быстрее. Но можно же предположить, что у меня нет денег? Можно! Была она дома или нет? Иван поймал себя на том, что буквально подумал «у нас дома». Она догадывается, может, знает, что он в бегах? Одни вопросы.

Пусть всё и вся идёт ко всем чертям — одуревшие от безнаказанности дегенераты, заигравшиеся генералы, надуманные и реальные опасности, перемены настроения, депрессии, тяжкие воспоминания и размеренный налаженный годами быт. Рита — не враг, это первое. Но сидеть и ждать у моря погоды более не позволяло второе: Иван понимал, признавал, что с большим трудом представляет себе свою дальнейшую жизнь, если она вообще состоится, без этой странной загадочной особы. Именно так он мысленно и выразился — особы.

Иван вышел из квартиры, закрыл дверь и почти бегом сбежал по лестнице — будь, что будет. Вышел из подъезда, сориентировался — район было незнаком, направился к «большой дороге». Деньги на такси были. Ещё раз прикинул время, маршрут. Сел в автобус. Всё-таки нужна была пауза, нужна. Время рабочее — много свободных мест. По давней привычке садиться не стал, пристроился у окна. Проплывали люди, дома, машины... Может, в последний раз? Выбрось это из головы!

Как много газетных киосков, подумал Иван. Газеты, газета... Иван вспомнил список вещдоков, обнаруженных при Носаре непосредственно и в его машине. Там значилась газета «Финансовый обозреватель». Тоже мне грамотей, подумал тогда Иван. То была его личная машина, он ездил на ней по своим сугубо персональным делам, один — без водителя. Есть основания предположить, что Носарь её читал. А ещё есть основание предположить, что в газете той могла быть информация, вынудившая Носаря, пренебрегая свойственной ему осторожностью, спешно посетить банк. Как я раньше об этом не подумал? Надо будет проверить. Если... Давай без «если».

Газета — совпадение? Всё может быть. Но и организовать статейку в уважаемом издании не так уж сложно. Сеющий панику материал подаётся в виде обзора, в предположительном тоне, со знаками вопроса — ни один суд не подкопается. Понятно, и проплатить надо. Размещают приманку — обыватель слегка паникует, Носарь клюёт. Дальше что? Верхушки нет — структура работает.

Кому мог мешать Стас? Персонально — никому, могли мешать его пересечения. Что они высвечивали? Криминальную структуру. О ней и так известно немало. Что ещё? При доработке и расширении программы —

структуру конторы или какого-то её конкретного представителя. Генерала? Смешно: практически генерал и контора — это одно и то же. Крота? Возможно.

Иван вздрогнул. Он не знал маршрут автобуса, ему было достаточно того, что он может добраться до нужной остановки. И только сейчас он сообразил, что будет проезжать и мимо места, где был сфотографирован с курьером. Тогда он шёл с работы на стоянку, к машине. Не спеша двигался по тротуару, стараясь не создавать помех чрезмерно спешащим гражданам.

Встретились, поздоровались. Мы не поддерживали приятельские отношения. Как завязался разговор? Инициатор — Сергей. Что он спросил? Он спросил... Он спросил, действительно ли работает программа по восстановлению зрения. Кому она нужна, не пояснил. Неловко как-то всё получилось: есть темы, которые не принято выставлять на всеобщее или шапочное обсуждение. Но Сергей вёл себя легко и просто — так, словно тема беседы была оговорена заранее. Именно так. Но никакого предварительного разговора не было.

Что дальше? Я пытался отделаться общими фразами, но Сергей был настойчив. И попытался объяснить свой напор. Что он сказал? Он обронил мимолётно: «Ты же уезжаешь?»

Тогда я подумал: понятно, что уезжаю — к машине иду. Но нет, не это имелось в виду. Сергей полагал, что я уезжаю надолго, и эти попытки объяснить свою настойчивость. То есть он или ошибался или был введён намеренно кем-то в заблуждение. Конец рабочего дня, место, время известны, повод есть, ограничение по времени — предстоящий отъезд имеется — вот вам и встреча. Откуда взялся Сергей? Он шёл навстречу? Нет, он стоял. Он ждал. Получается, встреча изящно подстроена. Результат — снимок. Участь курьера предрешена. Участь второго фигуранта со снимка тоже предрешена. Далее? Шум в голове, руки сжимают металлическую стойку.

## 29

### Живец на живца

Смагин прикрыл дверь и окинул спокойным взглядом удивлённых милиционеров. Васадзе был готов взорваться. Московский гость опередил его.

— Дай закурить. У меня кончились, — как ни в чём ни бывало сказал Смагин и с досадой добавил: — С такой работой!..

...Шило посмотрел на дверь. Быстро просунул ноги через наручники и вышел на балкон. Легко запрыгнул на парапет балкона, протянул вверх руки в наручниках и ухватился за перекрытие. Легко подтянулся...

Васадзе машинально достал из кармана пачку папирос, протянул Смагину и, придя в себя от растерянности, прошептал с удивлением и опаской:

— Ты что? Уйдёт.

— Не уйдёт. Отходил.

— Он же, он же...

Раздался жуткий крик. Затем ещё. Васадзе оттолкнул Смагина, рванул дверь и залетел в комнату. В номере никого. Мешая один другому, милиционеры устремились в номер. Опять тишину, наполненную тяжёлым дыханием, разорвал вопль — сверху, с крыши. Над балконом появился беглец. Он висел вниз головой и отчаянно пытался дотянуться руками до перил балкона. Неведомая сила его удерживала.

С крыши донеслись команды, громкие голоса. Тело преступника, словно подвешенное за ноги, пару раз качнулось и упало на балкон. Преступник бился в конвульсиях и выл от ужаса.

Васадзе достал из кармана носовой платок, вытер шею и лицо.

— Вот теперь песенка спета, — сказал, обращаясь к начальнику милиции Смагин.

Никто из присутствующих не шевельнулся. С крыши донеслось:

— Товарищ Смагин!

— Слушаю, — откликнулся начальник УРР.

— Взяли! — торжественно прозвучало с небес.

— Понял!

30

## Пересечения

Автобус завернул, и памятное место осталось позади. А далее... Что далее? Далее следует то, что об увлечении тобой, мой друг Иванушка, модной методикой из сослуживцев знал только генерал. Разговор на эту тему состоялся давно и один раз. Получается, только Корнеев мог слить курьеру эту информацию. Стечение обстоятельств? Предположим. А надуманный отъезд? Ведь кто-то намеренно ввёл Сергея в заблуждение. И этому «кто-то» он должен был поверить. А кому поверит рядовой сотрудник, как не большому начальнику? Но будет ли большой начальник

обсуждать с рядовым сотрудником весьма щекотливую тему и тем более в деталях? Не будет. Тем более не будет устраивать неуклюжие свидания.

Кто ещё? Тот, кто без приглашения посетил квартиру и видел книгу. Тот, кто зацепил линолеум. И этот фигурант-х знаком и со мной, и с курьером. Вот тогда начался слив — конкретный и изощрённый.

И можно было это всё заметить, понять, сопоставить... Но пусть взыскательный судья в течение двух-трёх дней побудет в состоянии жертвы, пусть и не состоявшейся, станет объектом оговора, фальсификации и недетских подозрений, встретит женщину... столь необычную и так необычно, покувыркается при перекрёстной стрельбе, получит хорошенько пистолетом по затылку... Может, при таком раскладе строгости судейской поубавится?

Иван улыбнулся. Получается, что если бы тот самый злополучный мерс довёл задуманное до конца, и иванушка-дурачок стал жертвой катастрофы, то фото с курьером прекрасно бы вписалось в незамысловатую схему. А самая простенькая схема, если её дописать и подправить, лёгким ментальным движением прекращается во всеобъемлющую концепцию, удовлетворяющую всё заинтересованные стороны. Но не сработало.

Затем продолжение — прыжки из окон, Торговый центр, возможно, ещё что-то. Опять не сработало. Но почему? Ещё несколько минут, и всё выяснится. Всё?

Иван вышел из автобуса, глянул на часы. Времени в обрез. Взял хороший темп и вскоре приблизился к заветному кафе.

Опять заболело место ушиба. Иван сморщился, но не стал прикасаться к больному месту. Лишь вспомнил слова эксперта: «нанесён приличный, но щадящий удар». Это из человеколюбия?

Рита сидела за тем самым столиком, одна. Она издалека увидела Ивана и приветливо помахала рукой. Что-то не вяжется, подумал Иван, не в её это стиле. Впрочем, разбрасывать боевые ножи большинству милых дам тоже не свойственно. Внезапно прохладная змейка скользнула по спине и замерла между лопаток. Знакомое чувство. Это ещё что? Кто? Где? Откуда? Иван оглянулся — прохожих мало, ничего подозрительного. Глянул на Риту. Странная она какая-то.

Холодок, беспокоящий спину, опять дал о себе знать. Иван не ошибся. Стрелок уже несколько раз перевёл прицел со спины на затылок — сомневался в выборе точки приложения своего искусства. Он занял огневую позицию спешно, потому нервничал и напряжённо прикидывал варианты желанной развязки. Через несколько секунд он мог уложить одной пулей обоих, но это не кино. Две пули, если надо — три, и отход.

Иван сделал несколько шагов и понял — тормози, подстава. Девушка, сидящая за столом, была очень похожа на Риту, но это была не

Рита. Она смотрела на приближавшегося Ивана, в её глазах неплохо подружилось профессиональное спокойствие и тревожное ожидание.

Стрелок перевёл прицел на девушку. Что-то она не радуется, подумал он. И Ивашка тоже не бросается в объятия. В чём дело? Он её не узнал? Почему тогда шёл? Он приблизился и понял... Что он понял? Он понял, что это не она! Стрелять или отход? Определяем приоритет. Приоритет — Ивашка. Значит — стрелять. Выбор сделан. Внезапно стало немного больно и темно. Затем — очень темно.

Дама, весьма удачно стилизованная под Риту, словно по команде, встала и направилась в сторону стоянки машин. Слева взвизгнули тормоза — подкатил микроавтобус. Отъехала боковая дверца, внутри сидел невозмутимый Корнеев. Генерал как ни в чём ни бывало помахал рукой и приветливо улыбнулся. Псевдо Рита спешно удалялась. Иван подошёл к микроавтобусу. «Ну, здравствуй, Иван!» — только и сказал генерал. Для такой ситуации и это много, подумал Иван, и сел на сиденье, любезно указанное начальником. Автобус рванул с места, резко повернул и за поворотом остановился. Вдоль тонированного стекла что-то скользнуло, дверца плавно открылась, и в салоне появилась Рита — спокойная, настоящая.

Рита была одета в невзрачный спортивный костюм, лёгкую наглухо застёгнутую ветровку. Ей явно мешал висевший за плечами небольшой рюкзачок, она сняла его молниеносным движением и поставила в ноги. Шевельнула пересохшими губами, быстро достала из рюкзака початую бутылку газированной воды, открыла, сделала несколько маленьких глотков, завинтила крышку, покрутила бутылку в руке и протянула Ивану.

Абсурдность происходящего не ввела моего друга в ступор, однако рефлексy дали сбой. Он тупо посмотрел на бутылку и не шевельнулся. Микроавтобус уже набирал скорость. Корнеев улыбнулся, Рита положила бутылку с водой в рюкзак и тихо сказала: «Ну, коньяку у нас нема». Автобус миновал квартал и вновь остановился. Корнеев открыл дверь, Рита вышла, автобус тронулся. Иван увидел, как Рита села в легковую машину. Рюкзак стоял на полу, в нём была бутылка с водой. Очень хотелось пить и немного хотелось петь: перстень неплохо смотрелся на руке, только что державшей благодатную бутылку с живительной влагой.

Группа возвращалась в пустом почтовом вагоне. Спешили и не успели оборудовать места для отдыха. Маленького двухместного купе явно не хватало — решили спать посменно. Сидели на ящиках.

— Не могу знать, откуда оно взялось, — медленно и с неохотой говорил Смагин. — Может, с Гурийских гор, может, в болотах хозяйничало. Действует примитивно — только инстинкт. Отслеживает жертву, нападает из засады, впрыскивает желудочный сок. А уж потом...

Сеулин попеременно переводит взгляд с начальника на большой чёрный ящик, поглядывает на него с любопытством и опаской. Арсентьев опустил глаза и недоумённо пожимал плечами. Скляр выглядела явно растерянной и не согласной с простым толкованием происшедшего:

— Но оно не может быть одно. Должны быть и другие особи. Закон эволюции.

— Это верно. Это меня и беспокоит, — без особого энтузиазма продолжает Смагин. — Свидетельства об этом существе сохранились только в легендах, назовём его гидрой. Васадзе отправлял людей. Местные жители, старики, припоминают. С неохотой. Но это всё дела давно минувших дней. А этот экземпляр сохранился. Может, в горах замёрз, может, в болотах в иле как карась спал. Вот его и разбудили.

Человек природу здесь серьёзно побеспокоил, — уточнила Скляр. — Вон какое строительство развернулось...

— Вот и я о том, сказал Смагин. — Как и у любого хищника, у него своя территория. Как у большинства хищников.

— Но науке такое... животное... существо, явление не известно.

— Всё животные, существа, явления когда-то не были известны науке. А легенды — штука упрямая.

— Да, есть у человека такое качество — склонность к мифологии, — включился в разговор Сеулин. Но это — реально. — кивает на ящик.

Смагин закурил папиросу, покосился на перевозимый груз:

— Ещё как реально. Шило — бывший циркач, способности редкостные. Раньше просто воровал, но потом... Тупая злоба, болезнь, мало ли ещё чего... А силушка-то недюжинная. И совершил он ошибку, сам того не зная. Нарушил территорию. На схеме городской это хорошо видно. И нажил себе врага ещё более сильного, жестокого и безжалостного. Так часто и бывает. И обезьяна стала мешать ему...ей... заразе этой болотной... Шимпанзе, что из бродячего цирка сбежала. Васадзе надо было газеты почаще просматривать...

— И куда его... это... теперь?

— Неведомо мне это. А дело — в архив. А нам — отдыхать.

## Пересечения

История, в том числе и детективная, не имеет сослагательного наклонения. Доложи Иван вовремя о своих сомнениях и подозрениях генералу, кто знает, как бы тогда карта легла. Что легла бы по-другому, это понятно. Но «по-другому» вовсе не означает, что жизнь его стала бы лучше, безопасней, интересней. Но жизнь реальная тоже весьма не скучна, и посему забивать себе голову виртуальностями нет смысла. Примерно так выразился Иван, и я с ним искренне согласился.

Генерал — не звездочёт и не философ. Исчезновение курьера — вопрос служебный. Появление фотографии — зарождение или продолжение интриги. Информации о несостоявшейся аварии хватило, чтобы серьёзно задуматься и принять меры. Кроме «бомжа» в подъезде и киллера в Торговом центре, Рита обезвредила ещё двоих претендентов на написание финальной строчки в биографии моего друга.

Корнеев и Рита играли одну партию, разница лишь в том, что Рита поверила Ивану раньше. Но до личного знакомства её чувства к «объекту» лучше не описывать. На очередной тусовке она подменила телефон недоверчивому Глоте. Чудо техники являлось и по форме, и по содержанию точной копией средства связи преступника. Надежды на эту игрушку возлагались немалые. И тут — такая неудача. Нарисовался крот. И им мог быть, кто угодно.

Я спросил Ивана: неужели нельзя было всю эту историю разрулить как-то поаккуратней? Конечно, можно было, сказал Иван, но это была бы уже совсем другая история. И добавил:

— Я и сам должен был вести себя осторожней и активней. Но как-то всё навалилось... уж слишком коварно, сразу из-за нескольких углов — трудно этому противостоять. — Он задумался, подбирая слова, и продолжил: — Неожиданно и... подло, что ли. Некто, — он горько усмехнулся, — меня облапошил, надо признать. Дьявольский талант и опыт. И лишь когда на встречу шёл, ту, финальную, я сопоставил то, что обязан был сопоставить ранее.

— Уточнить можно? — спросил я, осознавая свою ответственность за мемуаризацию этой истории.

«Не знаю даже с чего начать — нет здесь чёткой последовательности. Телефон готовил Стас, — с расстановкой, не без волнения, сказал Иван. — Жаль парня... Присказка у него была, мол, для больших дел нужны чугунная задница и светлая голова. Употреблял он её в минуты творческие, доверительные. Степан её в слово в слово повторил. Уже там, на квартире... Присказки этой мало, конечно. Но зацепка нарисовалась.

Степан никогда не говорил об общении со Стасом. Ни разу. Но сигара, которой Стаса угостил некто, имела запах, очень схожий с духманом в машине — это я заметил в тот вечер... В тот самый вечер. И не дознался я, хотя и старался, откуда Степан адрес Стаса знал. Не просто адрес — а подробный маршрут до квартиры.

Вроде, мелочи. Но такой момент мне вспомнился. Кабинет Глоты после взрыва, силуэт на полу. А Степан заявляет уверенно: отботался — отговорился, то есть. Я о телефоне догадался, признаюсь, с потугами немалыми и позднее. А он каким образом мог это знать? И Стас о телефоне однозначно не говорил, мне, во всяком случае. Игрушку, гаджет какой-то упоминал, да, но не телефон. А ему мог сказать — кадровый всё же.

Насчёт дежурного... Почему я не позвонил — понятно: кто я такой? А он почему не позвонил? А ведь был обязан.

Ну, и главное... В перестрелке той, когда Стаса, ну, и меня по голове... пистолетом — щадящим ударом... Не было среди вещдоков пистолета, водитель не был вооружён. И на других пистолетах не было его отпечатков. И предмета подходящего не было...»

Признаться, я растерялся, догадываясь, о чём речь дальше пойдёт. Иван посмотрел на меня уставшими пустыми глазами и продолжил:

— Что оторопь берёт — как такое может быть? Очень даже может. Это он, Степан, меня ударил и затем всех расстрелял, из разных пистолетов, в том числе и вошедшего водителя. И Стаса — тоже. И компьютер, винчестер продырявил. Вот кто крот. И в снайпера тоже он решил поиграть. Хотел разом всё концы обрубить. Знал, что я не отключу телефон. Следил.

— А если бы отключил?

— Большой разницы нет. Нашли бы меня и по отключённому, и нашли бы быстро. Вопрос только в том, кто бы нашёл первым...

— А его кто? — спросил я.

— Кто других, тот и его, — уклончиво ответил Иван, подумал и добавил: — Жив он, подранен основательно, но жив. Живой он был нужен...

— Если ты там, в квартире, всё понял, почему пошёл по навязанному сценарию?

— Во-первых, не всё понял, а так — прозрел немного. Во-вторых, не мог я понять роль генерала во всей этой мути... К кому идти, кому объяснить? Тем более, с такими догадками. А главное — я в Риту верил. И потому плюнул-дунул и решился.

— Может, хватит играть — ведь по краешку прошёл? — задал я, признаю, не совсем тактичный вопрос.

— Резонно. Я тоже так подумал, — улыбнувшись, сказал Иван. Задумался, видно, взвешивая «за» и «против» по поводу продолжения. «За» победило, и он добавил: — Подумал... Но понимаешь, дружище, есть фактор, который сначала подтолкнул к активности моего оппонента, а затем, позднее, и меня... В коммуникациях охладителей старого блока ТЭС прятали... бесхозный товар — людей на продажу. Металл, вода, акустика... Рыдали эти люди, просили о помощи. Но никто их кроме водолазов не услышал. Да и они приняли мольбы о спасении за реквием бездны. Насчёт реквиема я согласен, но бездна меня не утраивает. Надо её избежать, если даже понадобится выполнить роль живца на живца.

Я ещё раз восхитился своеобразным жизненным кредо своего друга и в это же мгновение решил один важный мучивший меня уже не первый день вопрос: как озаглавить очередную повесть о жизни деда моего бесценного приятеля.